

СОФЬЯ
ПРОКОФЬЕВА

ВСЁ

О

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЖЁЛТОГО
ЧЕМОДАНЧИКА,

ВЕСНУШКЕ
И ЛОСКУТИКЕ

Софья Леонидовна Прокофьева

Всё о приключениях жёлтого чемоданчика, Веснушке и Лоскутике

Серия «Всё о... (Махаон)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67694342

С. Л. Прокофьева. Всё о приключениях жёлтого чемоданчика, Веснушке и Лоскутике: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»; Санкт-

Петербург; 2022

ISBN 978-5-389-21371-5

Аннотация

Где-то неподалёку живёт Детский Доктор – говорят, он может вылечить любую болезнь. Для любителей приврать у него найдётся лекарство «Антивраль», для робких – конфеты «Настоящей храбрости», а для лентяев – и вовсе безотказное средство, зелёная пилюля. Девочка Катя с Большой Почтовой улицы дружит с настоящим солнечным лучом. Он похож на крошечного человечка, и зовут его Веснушка. Просто однажды он оторвался от солнца и остался на земле – в конце концов, с кем не бывает? А вот девочка по имени Лоскутик умудрилась подружиться с... Облаком! Все эти чудеса запросто случаются в

книгах знаменитой сказочницы Софьи Прокофьевой, которыми зачитывалось не одно поколение школьников. Одноимённый фильм, снятый по «Приключениям жёлтого чемоданчика», стал настоящей классикой советского кино. В сборник вошли самые известные произведения писательницы, которые с удовольствием прочтут и дети, и взрослые.

Содержание

Приключения жёлтого чемоданчика	7
Глава 1. Детский Доктор	7
Глава 2. Трусливый мальчишка	20
Глава 3. Валентин Ведёркин и его бабушка	29
Глава 4. На пожарной лестнице	39
Глава 5. Грустная девчонка	52
Глава 6. Петька решает больше никогда не реветь	59
Глава 7. Очень высокий и очень длинный забор	69
Глава 8. Опять очень высокий и длинный забор	79
Глава 9. На аэродроме	85
Глава 10. В цирке	94
Глава 11. Всё объяснилось	102
Зелёная пилюля	108
Глава 1. Что случилось с Вовой Ивановым по дороге в школу	108
Глава 2. Детский Доктор	115
Глава 3. Для Вовы Иванова начинается новая прекрасная жизнь	121
Глава 4. Прекрасная жизнь продолжается	129
Глава 5. В которой Вова узнаёт одну	137

невероятную вещь	
Глава 6. Вова Иванов решает принять красную пилюлю	152
Глава 7. В которой рассказывается, кто принял красную пилюлю и что из этого вышло	164
Глава 8. О том, как у Детского Доктора волосы на голове встали дыбом	175
Глава 9. Вова решает отправиться на поиски красной пилюли	183
Глава 10. О том, как Вовина мама два часа просидела, закрыв лицо руками	195
Оставь окно открытым	204
Глава 1. Чудеса начинаются	204
Глава 2. Чудеса... в тарелке с манной кашей	214
Глава 3. Пожар в кармане	222
Глава 4. Веснушки на асфальте	233
Глава 5. Одолжите, пожалуйста, морковку!	240
Глава 6. История Веснушки	251
Конец ознакомительного фрагмента.	264

Софья Прокофьева **Всё о приключениях** **жёлтого чемоданчика,** **Веснушке и Лоскутике**

© С. Л. Прокофьева, 2022

© А. Ю. Власова, иллюстрации, 2017

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Приключения жёлтого чемоданчика

Глава 1. Детский Доктор

Детского Доктора разбудило яркое солнце и ребячий смех.

Детский Доктор мог целыми днями слушать этот смех. Это были для него самые приятные звуки на свете.

Ребята играли во дворе и смеялись.

Время от времени снизу поднималась серебряная струя воды. Можно было подумать, что посреди двора лежит большой кит. Детский Доктор, конечно, понимал, что этого не может быть. Он знал, что это дворник дядя Антон поливает клумбу.

Детский Доктор чувствовал себя утомлённым.

Последнее время у него было очень много работы. По ночам он писал книгу. Книга называлась «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки».

Днём он работал в детской поликлинике, а после работы собирал материал для своей книги. Он ходил по дворам и скверам, входил в тёмные подъезды и даже заглядывал под лестницы.

«Как хорошо, что сегодня мне не надо идти в поликлинику! – подумал Детский Доктор. – Я смогу сегодня отдохнуть и, может быть, даже закончу седьмую главу моей книги. У меня сегодня только два вызова. Правда, один случай очень тяжёлый: эта грустная девочка Тома...»

В это время раздался громкий звонок.

Детский Доктор пошёл в переднюю и открыл дверь.

За дверью стояла мама.

Конечно, это была не мама Детского Доктора. Это была мама какого-нибудь мальчика или девочки. Но то, что это

была мама, было несомненно. Это было сразу видно по её большим несчастным глазам.

Детский Доктор тихонько вздохнул и пригласил эту чью-то маму в кабинет.

Правда, это была очень хорошая мама. Детский Доктор это сразу определил.

Такая мама наверняка умела быть строгой.

Но с другой стороны, такая мама наверняка разрешала своему ребёнку лазить по деревьям и бегать босиком по лужам.

«Интересно, как она относится к дракам? – подумал Детский Доктор. – Её мнение было бы важно для моей книги „Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки“...»

– Вы понимаете, Доктор... – волнуясь, начала мама. Её глаза были совсем тёмными и несчастными. А ведь, наверно, её глаза умели ярко сиять. – Видите ли... Мне вас очень рекомендовали... У меня сын Петя... Ему девять лет. Он очень болен. Он... вы понимаете... он... трус...

Прозрачные слёзы одна за другой закапали у мамы из глаз. Можно было подумать, что вдоль щёк у неё висят две нитки блестящих бус. Видно было, что ей очень тяжело.

Детский Доктор смутился и стал смотреть в сторону.

– Вот рано утром... – продолжала мама. – Понимаете, как проснётся... или, например, как придёт из школы... а вечером...

– Так, так, – сказал Детский Доктор. – Минуточку, минуточку. Вы лучше отвечайте на мои вопросы... В школу ходит один?

– Провожая и встречаю.

– А в кино?

– Уже полтора года не был.

– Собак боится?

– Даже кошек... – тихо сказала мама и всхлипнула.

– Понятно, понятно! – сказал Детский Доктор. – Ну ничего. Современная медицина... Приходите ко мне завтра в поликлинику. Я вас запишу на двенадцать часов. Вам удобно в это время?

– В поликлинику? – растерялась мама. – Вы знаете – он не пойдёт. Ну ни за что на свете. Не могу же я вести его силой? Как вы считаете?.. Я думала... вы к нам на дом... Мы здесь недалеко живём. На сто втором автобусе...

– Ну хорошо, хорошо... – со вздохом сказал Детский Доктор и с тоской посмотрел на свой письменный стол. – Мне всё равно сейчас надо ехать на Лермонтовский проспект к этой грустной девочке Томе...

И Детский Доктор стал складывать лекарства в свой небольшой чемоданчик. Чемоданчик был среднего возраста, не новый и не старый, жёлтого цвета, с блестящими замками.

– Минуточку, минуточку, чтобы не забыть... Это порошок смеха для грустной девочки Томи. Очень сильнодействующее средство... Уж если он не поможет... Так... Бутылка антиболтина. Так, так. Перед употреблением взбалтывать... Это для одного болтуна... А для вашего Пети...

– Простите, Доктор... – опять засмушалась мама. – Вы и так очень любезны... Но... Петя не принимает никаких лекарств. Боится. Он даже не пьёт газировку, потому что она шипит. А суп я ему наливаю в мелкую тарелку. Он боится есть из глубокой тарелки.

– Естественно, естественно... – задумчиво пробормотал Детский Доктор.

– Вы находите это естественным? – От удивления мамины глаза стали в четыре раза больше.

– Это естественно для данного заболевания, – ответил Детский Доктор, насыпая что-то в бумажный кулёк. – Таким детям я даю лекарство в виде конфет. Вы видите, самая обыкновенная конфета в розовой бумажке. Самые трусливые дети смело кладут её в рот и...

Детский Доктор и мама вышли на улицу.

На улице было просто замечательно!

Солнце было горячее. Ветерок прохладный. Дети смея-

лись. Взрослые улыбались. Куда-то быстро ехали машины.
Детский Доктор и мама подошли к автобусной остановке.
За жёлтым забором уходила в небо высокая телевизионная вышка. Она была очень красивая и очень высокая. Наверно, всем мальчишкам в этом районе она снилась каждую ночь.

А на самом её верху горел ослепительный огонёк. Он был такой яркий, что лучше было целый час смотреть на солнце, чем одну минуту на этот огонёк.

Вдруг этот огонёк погас. И тогда стало видно, что там на

самом верху копошится какой-то чёрный муравей. Потом этот чёрный муравей пополз вниз.

Он становился всё больше и больше, и вдруг оказалось, что это вовсе не муравей, а рабочий в синем комбинезоне.

Потом в жёлтом заборе открылась какая-то дверца, и рабочий, нагнувшись, прошёл через эту дверцу. В руке у него был жёлтый чемоданчик.

Рабочий был очень молодой и очень загорелый. У него были ярко-голубые глаза.

«Может быть, они такие голубые, потому что он работает так высоко в небе?.. – подумал Детский Доктор. – Нет, конечно, я рассуждаю слишком наивно...»

– Вы уж извините меня, старика! – сказал Детский Доктор

молодому рабочему. – Но я хочу вам сказать, что вы очень смелый человек!

– Ну что вы! – смутился молодой рабочий и стал ещё моложе и стал совсем похож на мальчишку. – Ну какая тут смелость!

– Работать на такой высоте! Разрешите пожать вашу руку! – разволновался Доктор и, поставив свой жёлтый чемоданчик на землю, протянул руку молодому рабочему. Молодой рабочий тоже поставил свой чемоданчик на землю и пожал руку Детскому Доктору.

– Вы, конечно, в детстве любили драться? Я не ошибся? Молодой рабочий покраснел и в смущении покосился на людей, стоявших в очереди.

– Да, бывало... Ну что вспоминать такие глупости...

– Это совсем не глупости! – воскликнул Детский Доктор. – С точки зрения науки... Но сейчас говорить об этом не время. Главное – это ваша удивительная смелость. Смелость – это...

– Наш автобус, – тихо сказала мама.

Но она сказала это таким голосом, что Детский Доктор сразу на неё посмотрел. Он увидел, что её лицо побелело и стало каким-то каменным. Можно было подумать, что это не мама, а статуя мамы. А глаза, которые умели сиять, стали совсем мрачными.

Детский Доктор виновато втянул голову в плечи, подхватил жёлтый чемоданчик и полез в автобус.

«Ах я разбитый градусник! – думал он, стараясь не глядеть на маму. – Какая бестактность говорить в её присутствии о смелости. Я врач и так грубо ткнул пальцем в рану. Да ещё такая хорошая мама... Ах я дырявая грелка, ах я...»

Глава 2. Трусливый мальчишка

Мама открыла дверь и через тёмную переднюю провела Детского Доктора в ярко освещённую комнату.

Комнату заливало солнце.

Но как будто этого было мало. Под потолком горела большая люстра. На тумбочке стояла зажжённая настольная лампа. А на столе лежал зажжённый электрический фонарик.

– Петенька мой! – тихо и ласково сказала мама. – Это я пришла! Где ты?

Под кроватью кто-то зашевелился. Можно было подумать,

что там лежит большая змея.

– Петенька! – опять тихо и ласково сказала мама. – Я здесь. Я не дам тебя никому в обиду. Вылезай, пожалуйста!

Из-под кровати показалась голова мальчишки.

Детский Доктор посмотрел на Петьку и улыбнулся.

Он терпеть не мог лечить мальчишек и девчонок, которые ему не нравились. А Петька ему сразу понравился.

То есть, конечно, не весь Петька, а только Петькина голова. Весь Петька был ещё под кроватью.

Но у Петьки был хороший подбородок, симпатичные уши, торчавшие в разные стороны, а на носу были четыре замечательные веснушки.

– Вылезай, вылезай, – сказал Детский Доктор, радуясь, что Петька ему понравился. – Под кроватью темно, вылезай на солнышко.

Петька на животе осторожно вылез из-под кровати. Теперь он был похож не на змею, а на большую ящерицу без хвоста.

– Ну вставай, вставай, чего на полу-то лежать! – сказал Детский Доктор. – По полу, знаешь, иногда мыши ходят.

– Встань, Петенька, не бойся! – тихо и терпеливо сказала мама.

Петька встал. Теперь он был похож не на ящерицу, а просто на хорошего мальчишку.

Детский Доктор обошёл вокруг Петьки, глядя на него своими опытными глазами.

– А ну-ка, согни руку, я посмотрю, какие у тебя мускулы!

Петька посмотрел на маму жалкими глазами и согнул в локте дрожащую руку.

– Совсем не так плохо! Совсем не так плохо! – довольным голосом сказал Детский Доктор. – А ну-ка, теперь подпрыгни!

Но вместо того чтобы подпрыгнуть, Петька обеими руками вцепился в спинку стула. Петька так в него вцепился, что его пальцы побелели, как отмороженные.

– Ну подпрыгни, сыночек! – тихо сказала мама. – Ну пожалуйста. Это надо для лечения...

Петька с упрёком посмотрел на маму и подпрыгнул.

По правде говоря, когда он подпрыгнул, между его подошвами и полом с трудом можно было просунуть мизинец маленького ребёнка.

– Отлично, отлично! – сказал Детский Доктор и сел за стол. – Случай, конечно, запущенный, но не тяжёлый. Сто граммов конфет «Настоящей храбрости» – и он будет здоров. Вот увидите: он сейчас съест одну конфетку и пойдёт гулять во двор.

И тут глаза мамы, которые умели сиять, наконец засияли.

«Да, да, я не ошибся, – подумал Детский Доктор, – они могут сиять, её глаза...»

– Неужели это правда? – сказала мама и засмеялась от счастья. – Ну тогда я пойду на работу, а то я уже совсем опаздываю. Мне и так придётся бежать всю дорогу. Я только попрошу соседку, чтобы она посидела с Петенькой, и пойду.

– Никаких соседок! Никаких соседок! – строго сказал Детский Доктор. – Я категорически против соседок. Это может только повредить. Я сам прослежу, чтобы ваш сын как следует разжевал конфету «Настоящей храбрости» и проглотил её. И всё будет в порядке.

– Мамочка! – прошептал Петька.

– Не бойся, сыночек, надо слушаться Доктора.

– Не уходи! – всхлипнул Петька.

– Но ты же слышал, что сказал Доктор. Всё будет хорошо!

И с этими словами эта хорошая мама крепко поцеловала сына, крепко пожала руку Детскому Доктору и ушла.

Она ушла очень счастливая, и глаза её сияли.

А Детский Доктор взял жёлтый чемоданчик и поставил его на стол.

Потом он потянул замки большими пальцами в разные стороны. Замки громко щёлкнули, и чемодан открылся.

И вдруг Детский Доктор громко вскрикнул и уставился в открытый чемоданчик с таким видом, как будто он уставился в открытую пасть крокодила.

Потом он схватился руками за волосы и замер с открытым ртом. Потом он закрыл рот, опустил руки, схватил чемоданчик и вывалил всё его содержимое на стол.

На стол тяжело упала толстая серая книга и металлический щиток с тёмным стеклом посередине. На книге большими буквами было написано «ВЕРХОЛАЗ-ЭЛЕКТРОСВАРЩИК».

– Чемодан... – прошептал Детский Доктор белыми дрожащими губами. – Это не мой чемодан...

Петька хрипло заревел от страха.

Детский Доктор посмотрел на Петьку отсутствующими глазами.

– Это чемодан того храброго молодого человека, – простонал он. – Ну конечно, я не взял свой чемодан, а взял не свой чемодан. То есть я хочу сказать, что он взял мой чемодан, а не взял свой чемодан. А в моём чемодане лежат конфеты «Настоящей храбрости»... О-о-о...

Детский Доктор снова застонал таким ужасным голосом, как будто у него заболели сразу все зубы.

– Эти конфеты может есть только трус. А этот храбрый молодой человек и так слишком храбрый. Если он съест хоть одну конфету, он станет чересчур храбрым, и тогда... Нет, нет, его надо скорее найти! Вот тут на книжке написано: Валентин Ведёркин. Я должен бежать! – закричал Детский Доктор, поворачиваясь к Петьке. – А ты подожди тут маму!

Но Петька всей тяжестью повис на рукаве Детского Доктора. Слезы заливали всё его лицо и, как серьги, болтались на оттопыренных ушах. Рукав затрещал. Ещё немного, и Детский Доктор отправился бы на поиски Валентина Ведёркина

в пиджаке с одним рукавом.

– Я один не останусь! Я боюсь! – рыдал Петька.

– Тогда пойдём со мной!

– И с вами не пойду! Я боюсь!

– А чего ты больше боишься: оставаться здесь или идти со мной?

– Одинаково!

– Выбирай!

– Боюсь выбирать!

– Ну решай, скорее!

– Боюсь решать!

– Ну скорее!

– Боюсь скорее!

– Ну хочешь, я отведу тебя к соседке? Как её зовут?

– Тётя Катя.

– Где она живёт?

– Не знаю.

– Ну в какой квартире?

– Не знаю.

– Ну пойдём её поищем!

– Боюсь искать!..

– Так мы с тобой до вечера проговорим! – закричал Доктор, бросаясь к двери. – А я больше не могу ждать!..

Глава 3. Валентин Ведёркин и его бабушка

Валентин Ведёркин стоял посреди комнаты и смотрел на потолок. Он был уже не в синем комбинезоне, а в красивом костюме.

Рядом с ним стояла его бабушка Анна Петровна и тоже

смотрела на потолок.

Две пары голубых глаз смотрели на потолок.

На потолке было жёлтое пятно. Оно было совсем ни к чему на этом белом потолке в этой новой комнате.

– Течёт, – вздохнула Анна Петровна. – Ночью дождик был, и опять протекло.

Анна Петровна была маленькая старушка с тихим, добрым лицом. У неё были хорошие глаза, добрый рот и хорошие брови. Даже нос и щёки у неё были хорошие.

– Ты бы с управдомом поговорила, бабушка! – с досадой сказал Валентин Ведёркин.

Анна Петровна подняла на него кроткие голубые глаза.

– Я бы с ним поговорила, да вот он со мной говорить не хочет, – с огорчением сказала она. – Вон он, на лавочке сидит...

– Давай я с ним поговорю!

– Что ты, что ты, Валечка! Ты человек горячий! – испугалась Анна Петровна. – И голос у тебя такой, слишком громкий. Ещё соседа нашего побеспокоишь. Я вот чай пью, так сахар в чашке не размешиваю. Боюсь, ложечкой звякну – потревожу его. Может, он сейчас отдыхает. Может, ему сегодня лететь... Ты иди, иди, милый, а то в кино опоздаешь...

Анна Петровна проводила внука в переднюю и закрыла за ним дверь.

«Надо же, какой отчаянный! – подумала она, на цыпочках возвращаясь в комнату. – Даже управдома не боится».

Анна Петровна села на стул и стала смотреть на жёлтое пятно.

Она смотрела на него и смотрела, как будто это пятно могло прибавить ей силы для разговора с управдомом.

Наконец она подошла к окну.

Управдом сидел на скамейке, смотрел на клумбу и о чём-то думал. У него было красное лицо и красная шея. Посреди красного лица торчал не очень красивый нос, похожий на большую грушу.

Анна Петровна долго откашливалась и даже сама себе улыбалась от смущения, а потом робко крикнула:

– Пожалуйста, будьте так любезны... Я вас очень прошу...

Домоуправ поднял голову и что-то зарычал. Анна Петровна поскорее ушла с балкона, хотя балкон был на пятом этаже.

«Ну что ж, пятно – это только пятно... Не упадёт же оно мне на голову, – подумала она. – Правда, вот осенью, когда пойдут дожди...»

Анна Петровна вздохнула и принялась за уборку. Она повесила в шкаф синий комбинезон. Потом она открыла жёлтый чемоданчик. Она всегда в нём тоже наводила порядок.

«Конфеты! – умилилась она, заглянув в небольшой бумажный кулёк. – Ну совсем ещё дитя, совсем дитя! Не может без сладенького. А конфеты какие-то интересные. Никогда таких и не видала... Надо попробовать...»

И тут эта милая, добрая старушка развернула конфетку и сунула её в рот. Конфета была приятная, немного мятная,

немного сладкая, а немного какая-то не поймёшь какая. После неё во рту стало прохладно и даже весело.

«Очень хорошие конфеты! – решила Анна Петровна и съела ещё одну. – Даже лучше „Мишки“. И недорогие, наверно. Только вот надо мне будет с управдомом ещё раз поговорить, и посерьёзнее...»

Вторая конфета ей показалась вкуснее, чем первая, и она съела ещё одну конфету.

– И правда, какое безобразие, – сама себе сказала Анна Петровна. – На скамейке сидеть у него всегда времени хватает, а вот о жильцах подумать – на это времени у него нет. Ну, я до этого управдома ещё доберусь!

В коридоре послышались шаги.

Анна Петровна подскочила к двери, распахнула её и втащила в комнату высокого лётчика.

У лётчика было очень смелое лицо. У него были смелые глаза, высокий смелый лоб и твёрдые, смелые губы.

Наверно, он ни разу в жизни ничего не пугался. Но сейчас он смотрел на Анну Петровну с изумлением и даже некоторым страхом.

– А ну-ка, голубчик, сейчас же садись пить чай! – закричала Анна Петровна и стукнула кулаком по столу. (Старенький стол испуганно покачнулся. За всю его долгую жизнь в этой семье по нему никто не стучал кулаком.) – Как это так получилось, что мы живём в одной квартире, а я тебя, голубчик, ещё ни разу не напоила чаем?

– Спасибо, Анна Петровна, – растерянно сказал лётчик. – Я только что...

– Тогда хоть конфеты эти возьми, горе моё! – продолжала кричать Анна Петровна. – Знаю я вас!.. Небось в воздухе захочется сладенького! Вот и скушаешь!..

И с этими словами Анна Петровна высыпала весь кулёк конфет в карман лётчику.

– Ну а как твоя грустная дочка Тома? Ещё ни разу не улыбнулась? Надо будет ей тоже купить конфет!

Смелое лицо лётчика потемнело. Наверно, когда его самолёт шёл в сплошных грозových тучах, у него было такое лицо.

– Спасибо вам, Анна Петровна, но здесь конфетами не поможешь, – тихо сказал лётчик, и его смелые губы дрогнули. – Тома перестала улыбаться с тех пор, как заболела её мама.

Вы знаете, её мама две недели была тяжело больна. Сейчас она здорова. Но Тома с тех пор никак не может улыбнуться. Она разучилась. Я обратился к самому лучшему Детскому Доктору в нашем районе... Может быть, он заставит её улыбнуться...

– Ничего, не отчаивайся, голубчик! – закричала Анна Петровна. – В её-то возрасте!.. Это вот если в моём возрасте разучиться улыбаться! Ну выпей-ка чаю! Я его сейчас подогрею.

И она так сильно толкнула лётчика на диван, что все пружины квакнули, как лягушки.

– К сожалению, я должен идти, – сказал лётчик, поднимаясь и потирая ушибленный локоть. – У меня сегодня полёт, а я ещё до полёта хотел зайти к своему старому приятелю. Он работает в цирке укротителем. Там у них, знаете, разные дрессированные медведи, собачки, клоуны. Может быть, они рассмешат мою грустную девочку... И спасибо вам за конфеты...

Едва только за смелым лётчиком закрылась дверь, Анна Петровна бегом бросилась к окну.

Управдом по-прежнему сидел во дворе на скамейке, по-прежнему смотрел на клумбу и по-прежнему о чём-то думал.

– Эй, голубчик! – так громко крикнула Анна Петровна, что воробьи с пискom посыпались во двор. – Что за безобразия? А ну-ка сейчас же полезай на крышу!

Управдом поднял красное лицо и ухмыльнулся.

– Некогда мне тут по разным крышам лазить. У вас течёт – вы и полезайте!

– Ах так?! Ну хорошо, голубчик!.. – закричала Анна Петровна.

Анна Петровна ещё больше высунулась из окна и обняла обеими руками голубую водосточную трубу, как будто это была её самая лучшая подруга. Мелькнули в воздухе её домашние тапочки с белым мехом.

Через минуту она с гордым видом стояла на пожарной лестнице.

Она посмотрела вниз и увидела задранное кверху лицо управдома. Оно было похоже на белое блюдечко, на котором лежала довольно большая груша. Управдом так побледнел, что даже шея у него стала совершенно белой.

Глава 4. На пожарной лестнице

Детский Доктор бежал по улице и тащил за собой дрожащего Петьку. Вернее, Петька летел по воздуху и только из-

редка отталкивался от земли носками своих ботинок.

Детский Доктор влетел в большую толпу, которая стояла прямо посреди улицы. Он чуть не сбил с ног высокую тётю в ярко-красной шляпе и какого-то рыжего мальчишку. Рыжий мальчишка стоял, задрав голову кверху, и держал не поймёшь что на верёвочке. Это было что-то серое и настолько мохнатое, что не было видно ни глаз, ни ушей.

«Гав-гав-гав!» – не переставая лаяло это серое и мохнатое. Значит, скорее всего, это была собака.

А рыжий мальчишка не переставая говорил.

– А она ка-ак из окна высунется, – говорил рыжий мальчишка, – ка-ак закричит, ка-ак за трубу уцепится, вот так руками её обхватит!..

С этими словами рыжий мальчишка крепко обхватил руками ногу какого-то высокого дяди.

– До чего довели пожилую женщину! До пожарной лестницы! – закричала высокая тётя в ярко-красной шляпе.

– Такая тихая старушка! Кошке на хвост наступит – извинится!

– Да уж, мухи не обидит!

– Какая муха? При чём тут муха? Муху-то не жалко обидеть! А вот человека обидели!

– Ай! Упадёт! Упадёт!

– Кто? Кто?

– Чуткости, чуткости не хватает! Если бы побольше чуткости, не полезла бы она на пожарную лестницу!

– Кто? Кто?

– Да Ведёркина из сороковой квартиры!

– Ведёркина?! – закричал Детский Доктор, хватая каких-то людей за локти.

Он поднял голову и застонал от ужаса.

На пожарной лестнице, почти под самой крышей, стояла маленькая старушка. Белые волосы выбились из-под платка с розовыми цветочками. Голубые глаза горели. А сатиновый передник развевался по ветру, как пиратский флаг.

Немного ниже её, на пожарной лестнице, стоял человек с бледным лицом и протягивал к ней то одну, то другую руку.

Ещё немного пониже стоял дворник в белом переднике.

А ещё пониже стоял монтёр с большим мотком проволоки через плечо.

– Слезьте, Анна Петровна, слезьте! – умоляюще кричал человек с бледным лицом. – Я вам слово даю: сейчас же сам полезу! Да держитесь вы крепче!

– Я-то держусь, а вот ты слово своё не удержишь! – спокойно сказала старушка и погрозила ему пальцем.

– Ай!.. – закричал человек с белым лицом.

– Ох!.. – простонал дворник, который стоял на несколько ступенек ниже.

А монтёр, стоявший ещё ниже, задрожал так сильно, как будто через него всё время проходил электрический ток.

«Голубые глаза... – подумал Детский Доктор. – Конечно, это его бабушка...»

Петька обнял Детского Доктора обеими руками, постарался засунуть голову ему под халат.

– А она ка-ак за трубу схватится, ка-ак по лестнице полезет, а они ка-ак закричат!.. – ни на минуту не замолкал ры-

жий мальчишка. – А сама руками вот так перебирает, а ногами вот так переступает...

«Гав-гав-гав!» – лаяла безухая и безглазая собака.

Наверно, она тоже была болтуня, только она говорила на собачьем языке.

– Анна Петровна, слезайте! – закричал Детский Доктор. – Произошло недоразумение!.. Вы съели конфету... и при её помощи!..

– Карету?! – наклоняясь, закричала Анна Петровна. –

«Скорой помощи»?! Молод ты ещё, голубчик, так со мной разговаривать!

– Да нет! – Детский Доктор в отчаянии сложил ладони стаканчиком, прижал их ко рту и закричал изо всех сил: – Произошла ошибка!

– А я и не шибко! – с достоинством отвечала Анна Петровна. – Лезу себе не спеша на крышу, и всё...

– У меня чемоданчик вашего внука! – уже в полном отчаянии крикнул Детский Доктор и поднял над головой жёлтый чемоданчик. Он поднял его с таким видом, как будто это был не чемоданчик, а спасательный круг.

– Валечкин чемоданчик! Как же это он у тебя очутился? – ахнула Анна Петровна и, быстро перебирая руками и ногами, стала спускаться вниз.

– Осторожнее! – закричала толпа.

– Ой! Она сейчас прямо на нас упадёт! – прошептал Петька и согнулся, закрыв голову руками.

Но Анна Петровна, ловко ухватившись за трубу, уже нырнула в окно своей комнаты.

Детский Доктор побежал к подъезду. Петька бросился за ним.

На лестнице Петька отстал от Детского Доктора. Детский Доктор, как мальчишка, прыгал через две ступеньки. А Петька, как старый старичок, еле тащился вверх по лестнице, дрожащей рукой цепляясь за перила.

Когда Петька наконец вошёл в комнату Анны Петровны,

Детский Доктор уже сидел на стуле и со счастливой улыбкой вытирал со лба крупные капли пота.

А перед ним на столе стояли рядышком два одинаковых жёлтых чемоданчика.

– Дорогая Анна Петровна! Вот теперь, когда я вам всё объяснил, вы понимаете, почему я так разволновался... – с облегчением говорил Детский Доктор и никак не мог перестать улыбаться. – Значит, вы никогда не лазили по пожарным лестницам? Прежде вы за собой этого не замечали? Так сколько конфет вы съели?

– Три штуки, голубчик! – немного смущённо сказала Анна Петровна. – Так ведь я думала, что это Валечкины... А то бы я...

– Ничего, ничего. Их должно остаться ещё больше десятка, – успокоил её Детский Доктор.

Он открыл свой жёлтый чемоданчик, заглянул туда, а потом с удивлением посмотрел по сторонам.

– А где же они? Вы их, наверно, положили в какое-нибудь другое место?

Но тут с Анной Петровной случилось что-то странное. Она быстро заморгала своими голубыми глазами и закрыла лицо передником.

– Ой! – прошептала она.

Детский Доктор, глядя на неё, побледнел и привстал со стула.

Петька всхлипнул и спрятался за шкаф.

– Нет больше этих конфет, голубчик! – тихо сказала Анна Петровна. – Отдала я их!

– Кому?!

– Да нашему соседу... Лётчику...

– Лётчику?..

– Ну да... Испытатель он... Какие-то самолёты испытывает, что ли, – ещё тише прошептала Анна Петровна из-под сатинового передника.

– О-о-о!.. – простонал Детский Доктор и сел на пол рядом со стулом. – Какой ужас! Если он съест хоть одну конфетку... Ведь все лётчики такие смелые. Они даже слишком смелые. Их, наоборот, учат осторожности... О-о-о!..

Анна Петровна опустила передник и шагнула к Детскому Доктору.

– Так что же ты на пол уселся, голубчик?! – закричала она. – Потом посидишь на полу, если хочешь. А сейчас бежать надо, бежать! Где-то тут с тобой мальчишка был? В глазах что-то вроде мальчишки мелькнуло. Где он, мальчишка?

Она схватила Петьку за вихор и мгновенно вытащила его из-за шкафа, как вытаскивают морковку из грядки. Петька громко и жалобно заревел.

– Пойдѣшь во двор! – закричала Анна Петровна и вытерла его мокрый нос своим сатиновым передником. – Там найдѣшь такую грустную девчонку Тому. Она где-нибудь там гуляет. Ты её сразу узнаешь. Все девчонки хохочут, а она даже не улыбнѣтся. Найдѣшь её и спросишь, где её папа. А мы тут пока...

– Я один не пойду!

– Вот ещё!

– Я боюсь!

– Вот ещё! – закричала Анна Петровна и вытолкнула его на лестницу.

Глава 5. Грустная девчонка

Петька вышел во двор. Двор был чужой и страшный.

Около забора была навалена большая куча кирпичей и лежали толстые трубы. В такую трубу мог свободно залезть довольно большой зверь, а уж за кирпичами вообще мог спрятаться целый тигр или полслона.

«Мама, мамочка! – с тоской подумал Петька. – И зачем я только ушёл из дому! Сидел бы дома под столом или лежал под кроватью... как бы хорошо было...»

Около сарая стояла группа мальчишек и девчонок. Они окружили рыжего мальчишку.

– А он ка-ак схватит чемоданчик! – быстро говорил рыжий мальчишка. – А она ка-ак закричит! А он ка-ак победит! А она ка-ак в окно полезет! А я ка-ак...

«Гав-гав-гав!» – без передышки лаяла его безухая и безглазая собака.

Петька по очереди посмотрел на всех девчонок. Девчонки были розовые и весёлые. Три девчонки улыбались, две смеялись, а одна девчонка, откинувшись назад, громко хохотала, и были видны её белые зубы.

«Нет, здесь нет грустной девочки! – подумал Петька. – Может, она там, за сараем? Только как бы мимо этих мальчишек пройти...»

Петька, стараясь не смотреть на мальчишек, боком полез за сарайчик.

– Эй, ты! – сказал Петьке высокий противный мальчишка и ткнул в него пальцем.

На голове у противного мальчишки была маленькая пана-

ма. Наверно, он отнял эту панаму у какого-нибудь малыша.

Петька с тоской посмотрел на противного мальчишку и попробовал поскорее пройти мимо него. Но мальчишка ухмыльнулся и выставил вперёд свою длинную ногу.

Петька споткнулся и кувырком полетел на землю.

– Ха-ха-ха! – противно захохотал мальчишка.

Петька стукнулся о землю коленками, локтями, животом, подбородком и немного носом. Но он даже не посмел зареветь. Ему казалось, что противный мальчишка сейчас бросится на него и разорвёт на кусочки.

Петька, дрожа всем телом, быстро уполз за сарайчик. Здесь в тени росла трава и даже торчали два круглых одуванчика. Петька почувствовал животом, что земля здесь гораздо холоднее.

Он немножко успокоился и посмотрел вокруг. И тут он увидел грустную девочку. Он вообще никогда не видал таких девочек. Он даже не знал, что такие девочки вообще бывают на свете.

Она сидела на бревне, поджав под себя худые загорелые ноги, и прутиком рисовала на земле домики. Это были очень грустные домики. Окна у них были закрыты, а из труб не шёл дым. Около домиков не было ни заборов, ни деревьев с круглыми яблоками.

Петька уставился на её грустное лицо. А какие ресницы

были у грустной девочки! Пожалуй, даже слишком длинные. Петька, например, ни за что на свете не хотел бы иметь такие ресницы. Когда она посмотрела вниз на какую-то букашку, ресницы до половины закрыли её щёки.

У Петьки, наверно, был очень глупый вид. Он лежал на животе, и круглый одуванчик покачивался около его носа. Но грустная девочка посмотрела на него и не улыбнулась.

– Эй, ты! Тебя зовут Тома? Да? – хрипло спросил Петька.

– Тома! – грустно и серьёзно сказала девочка. – А чего ты тут ползаешь?

– Это я... так, – шёпотом сказал Петька и оглянулся на сарайчик. – А где твой папа?

– А зачем тебе мой папа? – грустно и удивлённо спросила Тома.

– Понимаешь, у него такие конфеты... – быстро зашептал Петька, подползая к ней поближе. – А они не простые... Если он их съест – беда... Он ведь лётчик... а они...

– Беда? С папой беда? – Тома вскочила на ноги. Её глаза так широко открылись, что на лице почти не осталось места для рта и носа.

– Ты куда? Я здесь один не останусь! – закричал Петька.

Петька тоже вскочил на ноги и схватил Тому за руку. Рука у Тома была очень худенькой, ненамного толще, чем лыжная палка. Тома посмотрела на Петьку огромными испуганными глазами. Она смотрела на Петьку, но казалось, что она его не видит.

– Бежим за мной! Там Детский Доктор... Ну скорее же!..
Я тебе всё объясню...

Петька и Тома бегом бросились через двор.

Мальчишки и девчонки, стоявшие около сарая, вытаращили на них глаза и замерли с открытыми ртами. И только рыжий мальчишка продолжал что-то быстро говорить. И его безухая и безглазая собака тоже не переставая что-то говорила на своём собачьем языке.

Петька и Тома вбежали в квартиру.

Дверь в квартиру была открыта, но в квартире никого не было. Ни Анны Петровны, ни Детского Доктора. Только на столе рядышком стояли два жёлтых чемоданчика.

Тома заморгала. На Петьку повеяло ветерком. Как будто мимо него пролетела птица.

– А где же все? Что ж теперь делать? – отчаянным голосом сказала Тома. – Надо искать папу! Надо ехать на аэродром!

Петька изо всех сил вытянул шею и осторожно заглянул в жёлтый чемоданчик Детского Доктора.

– Ой, там ещё бутылка какая-то! А вдруг в ней тоже что-нибудь опасное? И там ещё что-то... Нельзя его здесь оставлять.

– Бери чемоданчик, и бежим! – закричала Тома.

Глава 6. Петька решает больше никогда не реветь

Петька и Тома выбежали на улицу.

В руках у Петьки был жёлтый чемоданчик Детского Доктора. В нём что-то булькало и перекатывалось с боку на бок. Улица оглушила и ослепила Петьку.

Машины крутили колёсами, фыркали и обдували его горячим воздухом. Солнце сверкало в их стёклах, как будто в каждой машине сидели десять мальчишек с зеркальцами в руках и пускали зайчики.

Петька на секунду зажмурился, и сейчас же ему на ногу наехало какое-то колесо.

– Ой! – закричал Петька.

Он открыл глаза и увидел детскую голубую коляску.

– Ну что же ты стоишь, мальчик? – сердито сказала толстая тётя, толкая его коляской.

Петька шагнул в сторону и налетел на какого-то дядю с портфелем.

– Куда же ты идёшь, мальчик? – закричал дядя и ткнул его в бок портфелем.

Петька шарахнулся от него и налетел на какую-то старушку без портфеля, но зато с большой сумкой в руках.

– Куда же ты бежишь, мальчик? – закричала старушка.

Петька с беспомощным видом закружился на месте.

– Иди сюда, я тут! – услышал он Томин голос.

Тома стояла под большой круглой липой.

Её лицо в зелёной тени казалось совсем бледным, а глаза были очень тёмными и мрачными.

Петька шагнул к ней, но в это время позади него послышался ужасный рёв. Конечно, так мог реветь только огромный, страшный зверь!

Петька, еле дыша от страха, оглянулся и увидел крошечного малыша.

Малыш стоял около дверей булочной и отчаянно ревел.

Никогда в жизни Петька не видал таких некрасивых малышей. Глаз у него почти не было, а рот был огромный, как дыра в водосточной трубе. Наверно, мама, когда кормила его супом, совала ему в рот большую разливательную ложку.

Слёзы двумя ручьями текли по щекам малыша, огибая огромный рот.

– Бою-у-усь!.. – орал малыш. – Мама-а!

Тома присела около малыша на корточки.

– Ну не плачь! Ну не плачь! Ну чего ты боишься? – сказала Тома и погладила малыша по жёлтой чёлке.

– Боюсь!.. – ещё громче заорал малыш.

– Ну чего ты боишься, глупенький? Ты же не в лесу! Вон дяди и тёти идут и смеются. Говорят: «Ай как стыдно!»

– Боюсь!.. – кричал малыш, ещё шире открывая рот и поливая Томины руки слезами.

– Что же делать? – Тома в отчаянии снизу вверх посмот-

рела на Петьку. – Не могу же я с ним остаться!.. Ой, а вон наш троллейбус...

Дверь булочной хлопнула. Из булочной быстро вышла тётя с очень жёлтой чёлкой и очень голубыми глазами. В руках она держала два батона и булку.

– Мама! – сказал малыш и закрыл рот.

И тут Петька увидел, что это очень хорошенький малыш. Глаза у него были большие и очень голубые, а рот такой маленький, что туда с трудом влезла бы чайная ложка.

– Наш троллейбус! Ну садись же! – закричала Тома.

Она ухватила Петьку за руку своей маленькой рукой, ещё мокрой от слёз малыша. Петька, довольно громко стуча зубами, полез в троллейбус.

Петька никогда один не ездил в троллейбусах. Когда он был маленьким, он всегда ездил с мамой. А когда он вырос, всё равно ездил с мамой, потому что боялся ездить один.

Он, дрожа всем телом, прислонился боком к какой-то строгой тёте. У тётки были строгие очки, строгие глаза под очками и строгий нос, похожий на птичий клюв.

Строгая тётя оттолкнула его от себя.

– Что с ребёнком? – сказала она строгим голосом. – Он весь трясётся... и потом, в нём что-то стучит!..

Петька быстро зажал рот рукою. Это стучали его зубы. Его бедные зубы, которые болели после каждой ириски или пирожного. Но Петька всё равно ни за что не соглашался пойти к зубному врачу. Он так боялся бормашины, как будто она была хищным зверем и вместе с тиграми бегала по джунглям.

Строгая тётя наклонилась к Петьке и крепко ухватила его за плечо.

Петьке показалось, что она сейчас клюнет его своим строгим носом...

– Я бо... – прошептал Петька.

– Болен? Ребёнок болен! – ахнула строгая тётя. – Больной ребёнок едет в троллейбусе! Его надо немедленно отправить в больницу!

– Я не болен, я бо...

– Что «бо»?! – закричала строгая тётя.

– Я боюсь!..

– Ребёнок боится ехать в больницу! – снова закричала строгая тётя и ещё крепче ухватила Петьку за плечо. – Надо скорее вызвать «скорую помощь»! Ему совсем плохо! Как он дрожит! Остановите троллейбус!

Петька покачнулся и закрыл глаза.

Он чувствовал сквозь рубашку твёрдые пальцы строгой тётки. Как будто у неё была не обычная, человеческая рука, а железная.

Тома пролезла между строгой тётёй и Петькой.

Она подняла голову и посмотрела на строгую тётю.

– Он не болен, – сказала Тома своим тихим и серьёзным голосом. – Он боится... боится опоздать. Мы очень торопимся. Правда?

У Петьки с трудом хватило силы кивнуть.

Строгая тётя с сожалением выпустила Петькино плечо, видимо, она всё-таки считала, что на всякий случай лучше остановить троллейбус и отправить в больницу этого дрожащего мальчика.

А Петька поскорее пробрался на свободное место, подальше от строгой тётёй и поближе к окошку.

Тома села рядом с ним.

И вдруг прямо в десяти шагах от себя за стеклом троллейбуса Петька увидел свой дом.

Розовый дом плавно уплывал назад.

А вместе с домом уплывал и голубой забор, и скамейка, и дворник в белом фартуке, и соседка тётя Катя.

Тётя Катя стояла рядом с дворником, и они улыбались друг другу.

Петька вскочил на ноги.

– Ты куда? – удивлённо спросила Тома.

– Я уже приехал... Всё... Это мой дом...

– А разве ты... не со мной?

Петька посмотрел на Тому. Её глаза были такими большими, что Петьке захотелось, чтобы они были хоть немножко

поменьше. И не такие грустные. Бледные губы Тома дрогнули.

– Я с тобой, – буркнул Петька и снова сел на скамейку рядом с Томой.

С тоской посмотрел он на угол розового дома, на свой балкон, где мама повесила сушиться на верёвке его трусы и старую ковбойку.

Троллейбус завернул за угол и быстро поехал по длинной улице, увозя Петьку всё дальше и дальше.

Тома прижалась к окну лбом. Она тихонько стучала по стеклу кулаком и нетерпеливо шептала: «Ну скорее, скорее!» А Петька низко-низко опустил голову.

Что-то тёплое и мокрое побежало у него по щекам.

Кап!.. – на светло-серых брюках появилось тёмно-серое круглое пятно.

И тут Петька почему-то вспомнил малыша, который стоял и плакал около булочной. Петька вспомнил его огромный рот и слёзы, бегущие по щекам.

Петька сжал кулаки.

«Не зареву! Ни за что не зареву! Неужели у меня тоже такой вид, когда я реву? – подумал он и покосился на Тому. – Нет, больше никогда в жизни не буду реветь!»

Глава 7. Очень высокий и очень длинный забор

Петька и Тома бежали вдоль длинного забора. Петька старался бежать как можно ближе к Томе и даже несколько раз задел её жёлтым чемоданчиком по ноге.

– А мой папа любит сладкое! – несчастным голосом прошептала Тома. – Он недавно с чаем целую банку варенья съел.

Её ноги в коричневых тапочках замелькали ещё быстрее.

– А ты знаешь, где аэродром-то? – на бегу крикнул Петька. – А может, мы не туда бежим?

– Ну да, не знаю! Он здесь, за этим забором. Там уже лётное поле. Надо только до конца забора добежать.

– Да... а он вон какой длинный... Это пока мы добежим...

– Ой, правда! – Тома так резко остановилась, что Петька налетел на неё и ухватился за её руку. – Давай через него перелезем!

– Да мы не пере...

– Ну как-нибудь!

Петька посмотрел на забор.

Пока он бежал вдоль этого забора, забор казался ему очень длинным, но совсем не казался высоким. Но когда Петька решил через него перелезть, ему показалось, что это самый высокий забор на свете. Он был до самого неба и даже ещё немного выше.

– Этот забор знаешь какой длинный, – сказала Тома. – А так мы гораздо скорее... Как хорошо, что ты со мной пошёл! Ты мне поможешь... Что бы я без тебя делала?

Тут Петька снова посмотрел на забор. И забор сразу казался ему намного ниже. Петька поставил жёлтый чемоданчик на землю, подпрыгнул и уцепился руками за верхнюю перекладину.

Петька никогда не лазил через заборы. Он никогда даже близко не подходил к заборам. Он всегда думал: «Зачем подходить к забору, когда ещё неизвестно, что там за забором?»

Ноги у него болтались в воздухе. Наконец ему удалось перекинуть одну ногу через верхнюю перекладину.

Петька сел верхом на забор. Сверху он увидел тонкий пробор на Томиной голове и узкие плечи.

– Давай руку, – сказал Петька, но не удержался на перекладине и, как мешок, свалился на землю по другую сторону забора.

Он сел, потирая ушибленный бок и локоть.

– Отдай! Не трогай! Это не твой! Ай! – вдруг жалобно закричала Тома.

Голос у неё был такой, как будто она вдруг очень сильно заболела.

– Ха-ха-ха! – захохотал кто-то отвратительным смехом.

Петька вскочил на забор.

Он даже сам не понял, как это у него получилось.

Тома стояла и тянула к себе жёлтый чемоданчик. А рядом с ней стоял противный мальчишка в маленькой белой панаме и тоже тянул к себе жёлтый чемоданчик. И при этом он громко хохотал, показывая ярко-жёлтые, нечищенные зубы.

– Это мой чемодан! – закричал Петька.

– Ты ещё откуда взялся? – захохотал мальчишка. – Твой чемодан? А что в этом чемоданчике?

– В нём?.. В нём... – растерялся Петька. – А в нём бутылка...

Противный мальчишка рванул чемоданчик, и Тома села прямо в лопухи, которые росли около забора.

– А что в бутылке?

– Я... Я не знаю...

– Значит, не знаешь? – захохотал мальчишка. – Так я и знал. Значит, чемоданчик твой, бутылка твоя, а что в бутылке – не знаешь!

– Там... там...

– А что ещё в чемоданчике?

– Не знаю...

– «Не знаю, не знаю»! – передразнил его мальчишка. – А я знаю! Откуда это у тебя такой чемоданчик? Ты, наверно, украл этот чемоданчик!..

– Я не крал! – закричал Петька и свалился с забора.

– А ну-ка, ребята, посмотрите, что в чемоданчике? – крикнул противный мальчишка.

И тут только Петька заметил, что позади противного мальчишки стоят ещё четыре мальчишки и среди них рыжий мальчишка с мохнатой собакой на верёвочке.

Рыжий мальчишка схватил чемоданчик.

– Да это не его чемоданчик! – быстро заговорил он. – Это того дяденьки чемоданчик! Он его ка-ак поднимет!.. А та тётенька ка-ак закричит!..

«Гав-гав-гав!» – залаяла безухая и безглазая собака. Наверно, она тоже рассказывала про дяденьку и про тётеньку, а может быть, и про что-нибудь совсем другое.

Рыжий мальчишка открыл жёлтый чемоданчик.

– Тут какая-то бутылка! – закричал он. – Я сейчас ка-ак...
Тома громко заплакала.

– Эх ты, балда, ещё с рёвой связался! Ха-ха-ха! – захохотал противный мальчишка. – Ведь она рёва, рёва!

Петька посмотрел на Тому. Она сидела на земле, и большие лопухи доходили до её подбородка. Из лопухов торчала

только её голова и две руки, закрывавшие лицо.

– Она не рёва! – закричал Петька и, сжав кулаки, бросился на противного мальчишку.

А мальчишка был высокий. А мальчишка был страшный. А мальчишка, наверно, дрался каждый день. А у мальчишки были такие большие кулаки, как будто у него было по десять пальцев на каждой руке.

Но всё равно Петька не мог стерпеть, чтобы кто-нибудь обзывал Тому рёвой. Даже если бы она редела с утра до вечера всю жизнь.

Петька ударил противного мальчишку кулаком прямо в

нос. Противный мальчишка лягнул его ногой. Тогда Петька ударил его кулаком прямо в подбородок. Противный мальчишка, как волк, лягнул своими нечищеными зубами и свалился в лопухи.

Тем временем рыжий мальчишка, не переставая говорить, вытащил из бутылки пробку и поднёс бутылку ко рту. Он сделал один большой глоток, потом второй и вдруг замер с открытым ртом.

Бутылка выпала из его растопыренных пальцев.

Белая жидкость потекла по лопуху, как по большой зелёной тарелке.

Безухая и безглазая собака, громко лая, начала лизать эту белую жидкость и вдруг замерла, широко открыв пасть и высунув розовый язык. Оказалось, что у этой собаки всё-таки был ещё и язык.

– Смотрите, тут какая-то коробочка! – закричал самый маленький мальчишка в коротких штанах и подкинул вверх белую квадратную коробочку.

Коробочка открылась.

Тонкая серебристая пыль окутала мальчишек.

– Ха-ха-ха! – звонко захохотал маленький мальчишка в коротких штанах.

– Ха-ха-ха! – захохотали другие мальчишки.

– Ой, я не могу! Держите меня, я сейчас упаду в лопухи!

– Какое смешное слово «лопухи»! Хи-хи-хи!

– Ха-ха-ха!

Только рыжий мальчишка стоял, расставив руки, и молчал, наверно, впервые с тех пор, как родился.

Противный мальчишка вылез из лопухов. На носу у него была большущая шишка, и поэтому нос стал какой-то двухэтажный.

– Ха-ха-ха! – ещё громче захохотали мальчишки, указывая на него пальцами.

– Ой, ребята!

– Ой, поглядите!

– А нос-то какой! Ну и носище!

Противный мальчишка закрыл панамой свой двухэтажный нос и заревел. Нос у него теперь стал такой большой, что маленькая панама оказалась на него в самый раз.

Но Петька и Тома всего этого не видели. Они давно были по другую сторону забора и со всех ног мчались к аэродрому. В руке у Петьки был пустой жёлтый чемоданчик.

Глава 8. Опять очень высокий и длинный забор

Анна Петровна и Детский Доктор бежали вдоль длинного забора. Они пыхтели, как два паровоза устаревшей конструкции.

– Уф, Анна Петровна, – на бегу проговорил Детский Док-

тор, – мы совершили, уф, две непростительные ошибки. Во-первых, уф, мы должны были взять такси, а во-вторых, уф, мы не должны были заходить к этому укротителю, уф!

– Но я думала, ох, что Томин отец у него, ох! Я же не виновата, ох, что мы никого не застали!

– А я, уф, никого не виню, уф! – на бегу крикнул Детский Доктор.

– Нет, я чувствую, ох, по вашему тону, ох, что вы считаете меня виноватой, ох! – на бегу ответила Анна Петровна.

– Я ничего не считаю, уф! Главное, уф, нам скорее попасть на аэродром, уф. Неужели, уф, этот ужасный забор, уф, никогда не кончится, уф?

– Но, ох, через него, ох, можно, ох, пе... ох, ре... ох, лезть!.. – С этими словами Анна Петровна высоко подпрыгнула и попробовала ухватиться за верхнюю перекладину. Но она тут же упала в лопухи.

Она лежала в лопухах, тяжело дыша, и была похожа на паровоз, свалившийся под откос.

– Анна Петровна, уф, я как врач, уф, увы, в нашем возрасте, уф... Но, может быть, здесь есть какая-нибудь калитка или дырка?

– Не может быть, чтобы не было калитки! – закричала Анна Петровна, вылезая из лопухов. – В жизни не слыхала, чтобы был забор без калитки! На то он и забор, чтобы в нём калитку делать! Только где она?

– А вот идёт какой-то мальчик! Мы у него спросим!

Действительно, им навстречу шёл рыжий мальчишка. Позади него уныло тащилась безухая и безглазая собака. Её розовый язык волочился по пыльным лопухам.

– Ох, это такой болтун! – с досадой поморщилась Анна Петровна. – Целый час будет болтать, пока... Эй, говори немедленно, где здесь калитка?

Но рыжий мальчишка с тоской посмотрел на неё и ничего не ответил.

– Где, где калитка? – снова закричала Анна Петровна.

Но рыжий мальчишка несколько раз открыл рот, как рыба, вытщенная из воды, и опять ничего не ответил.

– Да что с тобой такое? – закричала Анна Петровна и, оттолкнув рыжего мальчишку, бросилась вперёд, как паровоз, который снова поставили на рельсы.

– Ха-ха-ха!

– Ой, братцы! Хо-хо-хо!

– Ой, не могу! Хи-хи-хи!

Детский Доктор и Анна Петровна замерли потрясённые. Они увидели трёх мальчишек.

Мальчишки лежали на земле. Они корчились от смеха, из глаз их лились крупные слёзы, ослабевшими руками держались они за животы и хохотали не переставая. Самый маленький мальчишка в коротких штанах лежал на земле, задрав кверху розовые колени. Он был похож на жука, который лежит на спине и никак не может перевернуться.

– Где здесь калитка? – закричала Анна Петровна, останавливаясь над ним и сжимая кулаки.

– Калитка? – в полном изнеможении простонал маленький мальчишка. – Ха-ха-ха!

– Калитка? Ну и смешное слово! Хо-хо-хо! Ха-ха-ха! Я сейчас лопну!

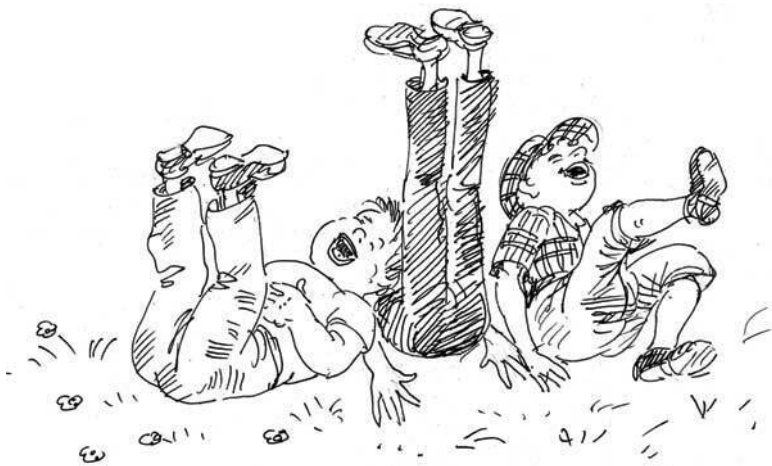
– Хи-хи-хи! Калитка! Я не могу остановиться!

– Ой, держите меня, братцы! Ха-ха-ха!

– Да что они, все с ума посходили, что ли? – в отчаянии закричала Анна Петровна. – Да я их всех сейчас...

– У нас нет на это времени! – крикнул Доктор, бросаясь бежать. – Нам надо торопиться! Мы и так уже...

Детский Доктор не договорил и побежал ещё быстрее.

Глава 9. На аэродроме

Петька и Тома бежали по квадратным плитам аэродрома. Со стороны можно было подумать, что два очень молодых пассажира опаздывают на самолёт.

На бетонированных дорожках стояли огромные, тяжёлые самолёты, раскинув свои красивые крылья, и механики в синих комбинезонах поили их бензином и кормили маслом.

– Скорее, скорее! – закричала Тома. – Может быть, мой папа ещё не улетел!

Из-за круглого белого облака вылетел самолёт.

Он казался совсем маленьким. Он блеснул своим серебряным животом и кувыркком полетел вниз.

– Это папка! – закричала Тома и горестно всплеснула руками. – Я знаю, знаю...

Слёзы бежали у неё по лицу, а ветер вытирал и сушил их.

А серебряный самолёт, блестя как рыбка, падал всё ниже и ниже и только у самой земли вдруг взмыл носом кверху и стал кругами уходить за белое облако.

«Ну ясно, он все конфеты съел!.. – холодея от ужаса, подумал Петька. – Ещё бы немножко – и о землю...»

– Ай!

Прямо на них по длинной дорожке бежал огромный самолёт. Он бежал прямо на Тому и Петьку и становился всё больше и больше. И вдруг с грохотом и свистом он поднялся в воздух, на мгновение закрыв собой всё небо.

Петька схватил Тому за руку и рванул книзу. Они упали на бетонные плиты.

Тяжёлый, грузный самолёт быстро уменьшался, становясь лёгким и серебристым.

– Вы что тут делаете? – закричал молодой лётчик, подбегая к ним.

Он был очень бледный. Глаза у него были холодные и злые.

Он крепко схватил Тому за руку, а Петьку за ухо и поднял их с земли.

– Нашли место, где играть! Да вы могли!.. Да вас он мог!.. Да от вас могло!..

И злой лётчик с таким шумом выдохнул воздух, как будто он не дышал уже целый час.

– Нам нужен самый главный начальник! – отчаянно заорал Петька, обеими руками цепляясь за лётчика.

– Вечно вы, мальчишки, что-нибудь придумаете! – ещё больше разозлился молодой лётчик, отдирая от себя Петькины руки.

– Нет, нам очень нужен главный начальник! Самый главный! Тут одни такие конфеты... Её папа съел конфеты!.. – попробовал объяснить Петька и замолчал. По лицу лётчика он увидел, что тот ещё больше рассердился.

– Конфеты?! Ах конфеты?.. А может быть, он ещё и мороженое съел? А ну уходите отсюда сейчас же!

– Мой папа... – сказала Тома. Она всё время стояла и смотрела на лётчика исподлобья, а тут она подняла голову и посмотрела ему в глаза. И всё, что Петька так безнадежно пытался объяснить ему словами, она каким-то образом объяснила ему глазами.

Лицо у лётчика стало очень серьёзным. Он положил руку Томе на голову.

Петька увидел, что рука у этого лётчика очень добрая. Она ласково погладила Томины спутанные волосы.

– А ну, ребята, за мной! – сказал лётчик и, повернувшись,

быстро зашагал к невысокому зданию со стеклянной вышкой в конце лётного поля.

В комнате, куда лётчик привёл Тому и Петьку, все стены были стеклянные. Можно было смотреть направо и налево и куда хочешь, и всё было видно.

Никогда ещё Петька не видел такой чудесной комнаты.

За столом сидел человек в лётной форме.

У него были седые волосы и орлиный нос.

Этот человек был похож на смелого вождя какого-то индейского племени.

Если бы ему в волосы вставить длинные перья, надеть на шею бусы и раскрасить лицо... Нет, даже без этого он был похож на вождя индейского племени.

– Я – Тома Петрова! – закричала Тома, бросаясь к нему. – Мой папа...

И вот что произошло через полторы минуты.

Седой лётчик, похожий на индейского вождя, нажал какую-то кнопку и придвинул к себе микрофон.

– Я – «Река»! Я – «Река»! – сказал седой лётчик. Он немножко побледнел. А может быть, Петьке это просто показалось. – «Четыреста третий», приём! Вы меня слышите?

– Я – «Четыреста третий»! Я – «Четыреста третий»! Я вас слышу!

Голос был совершенно спокойный. Но Тома вздрогнула, потому что это был голос её отца.

– «Четыреста третий», отвечайте: вы ели сегодня конфе-

ты?

– Что?!

– Отвечайте на вопросы. Вы ели сегодня конфеты... в розовых бумажках?

– В розовых бумажках?!

– Да, да! Вас угощала сегодня ваша соседка конфетами в розовых бумажках?

– Что?.. Ах да, вспомнил. Совершенно верно. Но...

– «Четыреста третий», вы ели эти конфеты?

– Нет.

– Уф!.. – сказал седой лётчик. На мгновение он откинулся в кресле и закрыл глаза. Но это было только на одно мгновение.

– Я вам категорически запрещаю есть эти конфеты!

– А у меня их и нет!

– Нет?!

– Нет.

– А... где же они?

– Я... Ах да... Я заезжал по дороге к своему приятелю и оставил их у него на столе.

– А кто ваш приятель?

– Он укротитель зверей.

– Ой! Дядя Федя... – тихо сказала Тома и прижала руки

к груди.

– А он смелый? – шёпотом спросил Петька.

– У-у!.. Знаешь, какой он смелый... У него там львы... – тоже шёпотом ответила Тома.

– Тогда бежим! – закричал Петька.

Вообще-то, Петьке очень понравилось в кабинете самого главного лётчика. Он бы даже охотно переехал жить в этот кабинет, если бы ему предложили.

Но сейчас надо было бежать.

Петька схватил Тому за руку и потащил её из кабинета. Тома на бегу обернулась и крикнула: «Спасибо!» А Петька не оборачивался и только кричал: «Скорее!»

На лестнице их догнал молодой лётчик.

– Пойдите, пойдите, ребята. Я поеду вместе с вами, – сказал он. – Идите вот сюда. Полковник дал свою машину.

И в этот момент, когда серая «Волга» заворачивала за угол, в конце аэродрома показались две странные фигуры.

Это был пожилой человек и старушка в домашних тапочках.

Глава 10. В цирке

Серая «Волга», скрипнув тормозами, резко остановилась. Петька, Тома и молодой лётчик бросились вверх по плоским ступеням.

У Петьки закружилась голова от пёстрых афиш. На афишах кто-то кувыркался, кто-то на ком-то стоял, кто-то открывал зубастую пасть.

Молодой лётчик и Петька подбежали к окошечку, над которым выпуклыми буквами было написано «Администратор».

Два кулака сразу застучали в закрытое окошечко.

Петькин кулак был не очень большим и стучал не очень громко: тук-тук-тук!

А кулак молодого лётчика был большой и тяжёлый и стучал очень громко: трах-тах-тах!

Окошечко открылось.

Оно было ярко-жёлтым в тёмной стене.

Молодой лётчик и Петька сунули туда головы и что-то закричали дикими голосами.

В окошечке показалась женская голова с большими удивлёнными глазами.

– Билетов нет. Уже второе отделение началось!.. – сказала женщина.

– А укротитель уже выступал?

– Наверно, как раз сейчас выступает!

– Скорее, скорее! – закричала Тома.

Её голос в большом пустом помещении звучал как-то гулко и странно.

Толстая билетёрша, стоявшая в стеклянных дверях, замерла, и рот её тоже открылся, как окошечко.

Петька быстро проскочил мимо неё.

Он проскочил так быстро, как будто он был не мальчишка, а кусок ветра.

Нет, он всё-таки был мальчишкой, потому что сейчас же раздалось:

– Эй, мальчик, куда?..

И толстая тётя побежала за ним, громко шлёпая подошвами.

Петька выбежал в круглый коридор. Тут всюду были зеркала и красивые картины.

В длинном зеркале Петька увидел толстую тётю и её протянутую руку с растопыренными пальцами.

Петька быстро нырнул головой в какую-то бархатную занавеску. Но эта бархатная занавеска вдруг крепко схватила его за шиворот. То есть, конечно, это была не бархатная занавеска, а толстая тётя, которая его всё-таки догнала.

Петька вырвался от неё и полетел куда-то кувырком, стучась лбом и коленками.

– Тише! Тише! Не мешайте!

– Чего вы тут?

– Как самое интересное, так...

Петька поднял голову и увидел круглую, ярко освещённую арену. Над ней на высоком тёмном потолке сияли и горели сотни ламп и прожекторов.

Внизу на сверкающем жёлтом песке стояли три ящика. А на каждом ящике сидело по настоящему живому льву.

На самом большом ящике сидел самый большой лев, открыв свою большую пасть. А какой-то человек в ярко-голубом фраке засовывал свою несчастную голову прямо в его

открытую пасть. А лев, как нарочно, был очень большой, и пасть у него была просто огромной.

А человек в голубом фраке всё глубже и глубже засовывал свою голову ему в пасть.

Петька увидел бледное ухо укротителя и кусок его шеи.

«Он! Дядя Федя!.. – как молния пронеслось в голове у Петьки. – Он все конфеты съел – и...»

– Держите его, остановите его!.. Он сейчас что-то сделает!.. – заорал Петька отчаянным голосом и бросился вперёд, протягивая к укротителю руки.

Но толстая тётя поймала его в воздухе и опять крепко ухватила за шиворот.

Петька забился у неё в руках, что-то крича и брыкаясь, как лошадь. Но эта опытная тётя, которая, наверно, тоже когда-то работала укротителем, не выпустила его из рук.

В этот момент человек в голубом фраке вынул голову из пасти льва. Громко заиграла музыка, а все зрители захлопали и закричали от восторга.

Укротитель стал улыбаться и кланяться, приглаживая волосы, которые немножко растрепались в пасти у льва.

Тут откуда-то появилась красивая тётя в необыкновенном платье. У Петькиной мамы не было ни одного такого платья.

Оно всё блестело и сверкало. И тётя в нём была похожа на русалку без хвоста.

Она хлопнула в ладоши, и откуда-то выбежали пять маленьких собачонок. Они были очень маленькие и кудрявые.

На них были банты нежных цветов.

И все они шли на задних лапках.

Тут укротитель в голубом фраке пощёлкал тонким хлыстом, и два льва послушно слезли со своих ящиков.

Но самый большой лев, с самой большой пастью, только посмотрел на укротителя и зарычал неприятным голосом.

Может быть, он раскаивался, что не откусил голову укротителю, когда это было так просто сделать, а может быть, он вообще любил сидеть на больших ящиках.

Укротитель изо всех сил защёлкал своим тонким хлыстом, но большой лев только оскалил свои огромные зубы и зарычал ещё громче.

И тут случилось что-то совсем невероятное.

Пять крошечных собачонок бросились на огромного льва. Они были такие маленькие, что лев одним ударом своей большущей лапы мог убить сразу трёх таких собачонок, а двумя ударами их всех и ещё одну.

Но крошечные собачонки, громко пища своими кошачьими голосами, стали прыгать на огромного льва. Они кусали его, царапали, а одна собачка с розовым бантом повисла у него на хвосте.

Огромный лев спрыгнул с ящика и, трусливо поджав

хвост вместе с висящей на нём собачонкой, бросился бежать вдоль арены. А собачонки визжали и бежали за ним, и вид у них был такой, как будто они сейчас разорвут его на крошечные кусочки.

Ох, что тут началось!

Зрители просто попадали со стульев от смеха.

– Ха-ха-ха!

– Нет, вы только поглядите на его морду!

– В жизни не видала таких собачонок! Ну какие же смелые! Просто ужас!

– Нет, вы посмотрите, посмотрите!

– Вот это дрессировка!

– Ха-ха! Никогда так не смеялся!

– Ой, за ухо его укусила! Ну и собачонка!

– Что это за порода такая? Храбрее овчарок!

Укротитель в голубом фраке уронил свой тонкий хлыст на песок и побледнел. Даже когда его голова была в пасти у льва, он и то был не такой бледный.

Он с растерянным видом посмотрел на блестящую тётю. Но та стояла, бессильно опустив руки, и, приоткрыв рот, глядела на своих собачонок.

И вдруг Петька услышал чей-то удивительный смех. Он был счастливый, и нежный, и какой-то неуверенный. Как будто человек, который смеялся, не умел смеяться.

Петька оглянулся и в двух шагах от себя увидел Тому.

Тома смотрела на собачонок и смеялась.

Глава 11. Всё объяснилось

Через полчаса все собрались в маленькой комнатке укротителя. В полуоткрытую дверь доносилось рычание, хрюканье и ещё какие-то очень приятные звуки.

Народу собралось столько, что было просто негде повернуться.

В комнате были и Детский Доктор, и Анна Петровна, и молодой лётчик, и Петина мама, и даже лётчик средних лет – Томин папа.

Все стояли и гладили по голове сначала Тому, а потом

Петьку, а потом опять Тому, а потом опять Петьку.

А на маленьком столике, рядом с запасным хлыстом и красивым пистолетом в каких-то драгоценных камнях, лежала куча розовых бумажек. Это было всё, что осталось от конфет «Настоящей храбрости».

– Я до сих пор не могу прийти в себя! – сказала блестящая тётя, моргая глазами. – Вы понимаете, я репетировала со своими собачками новый номер. Они работали очень хорошо, и я дала каждой из них по две конфетки. Я же не знала... я же не думала...

Блестящая тётя с некоторым страхом покосилась на розовые бумажки.

– Всё получилось хорошо! Номер имел громадный успех! – сказал дядя Федя, потирая свои большие руки.

Тут все рассмеялись, а громче всех рассмеялась Тома.

– Какая у вас милая, весёлая девочка! – сказала Петина мама Томиному папе.

– А у вас такой чудесный смелый сын! – сказал Томин папа Петинной маме.

И тут глаза у мамы просто засияли, как две звезды, и Петька увидел, что хотя у мамы нет такого замечательного платья, но зато она ещё красивее, чем блестящая тётя.

– Да, знаешь, папа, какой он храбрый! – сказала Тома. – Он знаешь как меня защищал! Он даже дрался с хулиганом Гришкой. А Гришка, знаешь, уже в пятом классе учится.

– Пороть их всех надо! – решительно сказала Анна Пет-

ровна и махнула рукой. – Тогда и драться не будут.

– Что вы! Что вы! – разволновался Детский Доктор. – На счёт порки, Анна Петровна, я совершенно с вами не согласен. Я уже второй год работаю над книгой «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки»... Я собрал огромный материал... Мальчишки обязательно должны драться. Но если подходить с точки зрения строгой науки, то вы увидите, что драки бывают хорошие и плохие. Вот если большой мальчишка бьёт маленького... Это плохая драка. Такая драка очень вредна для характера и нервной системы ребёнка. Подробно я остановился на этом вопросе в пятой главе. А вот во второй главе описываю пять видов хорошей драки: первый вид – защита малышей, второй – защита девочек, третий – борьба с хулиганами более старшего возраста, четвёртый...

– Да, я тоже в детстве любил драться! – улыбнулся Томина папа. – Также не давал в обиду девчонок и малышей!

– Это хорошая драка второго и первого вида, – просиял Детский Доктор. – И ваш смелый сын, Анна Петровна, с которым я обменялся чемоданчиком... Кстати, где мой чемоданчик?

– Вот он. У меня, – сказал Петька.

Детский Доктор открыл жёлтый чемоданчик.

– Но он же пуст! – удивился он. – А где же...

И тут Тома и Петька, перебивая друг друга, рассказали Детскому Доктору, что случилось с антиболтином и порош-

КОМ СМЕХА.

– Так вот почему этот болтун нам ничего не ответил! – воскликнула Анна Петровна.

– Да, да! Я сразу заметил, что смех этих мальчиков искусственного происхождения!.. – сказал Детский Доктор.

– А это не опасно? – заволновалась Анна Петровна. – Всё-таки дети... Неужели они навсегда...

– Нет, нет! – успокоил её Детский Доктор. – Острое состояние скоро пройдёт. Но, вероятно, болтун перестанет быть болтуном, а эти мальчишки ещё месяца два будут смеяться по любому поводу.

– Можно вас на одну минуточку, доктор? – спросила Петина мама.

Прямо перед собой Детский Доктор увидел её большие, немного встревоженные глаза.

– Вы понимаете, Доктор... Всё-таки Петенька не съел ни одной вашей конфеты. А вдруг он опять...

– Это исключено, – весело сказал Детский Доктор и хлопнул Петину маму по руке. – Вы можете совершенно не волноваться. Ваш сын Петя теперь никогда ничего не будет бояться. Когда сама жизнь делает человека смелым... это действует гораздо сильнее, чем любые лекарства. И вообще, если можно обойтись без помощи медицины... Вот и Тома тоже... Она снова научилась смеяться!

Тут все попрощались с укротителем и блестящей тётей и вышли на улицу.

На улице уже стемнело. На высоких столбах зажигались круглые жёлтые фонари. Прохладный ветер приятно гладил разгорячённые лица.

– И всё-таки, голубчик, нечего вам радоваться! – сердито сказала Анна Петровна. – Вот смотрите, какой беды вы чуть не натворили с вашими конфетами... Всё-таки надо поосторожней...

– Да, да! – задумчиво проговорил Детский Доктор. – Теперь я буду осторожнее. Я, знаете ли, даже не думал, что я создал такой опасный препарат. Мне просто не пришло в голову, что... Но теперь я знаю. В нашей стране, где люди такие смелые...

– Вы правы... – сказал Томин папа и замолчал.

Он услышал, как Тома, которая шла впереди рядом с Петькой, чему-то радостно засмеялась.

Зелёная пилюля

Глава 1. Что случилось с Вовой Ивановым по дороге в школу

На улице падал снег. Снежинки в воздухе знакомились, прицеплялись друг к другу и хлопьями опускались на землю. Вова Иванов в мрачном настроении шёл в школу.

Уроки у него были, конечно, не выучены, потому что ему было лень учить уроки. А тут ещё мама рано утром ушла к своей маме, к Вовиной бабушке, да ещё оставила такую записку:

Вовочка, я вернусь поздно. После школы сходи, пожалуйста, в булочную. Купи два батона и половинку чёрного. Суп в кастрюльке, котлеты на сковородке под крышкой.

Целую, мама.

Когда Вова увидел эту записку между стаканом кипячёного молока и тарелкой с бутербродами, он просто заскрипел зубами от ярости. Нет, вы только подумайте! Идти в школу. Да ещё после школы в булочную. Да ещё после школы и булочной самому разогревать себе суп и котлеты. Да ещё после школы, булочной, супа и котлет учить уроки. Это уже не говоря о том, что надо самому открывать ключом дверь, вешать пальто на вешалку и, уж конечно, раз десять подходить к телефону и говорить разным знакомым, что мамы нет дома и придёт она сегодня поздно.

«Разве это жизнь? Это же просто одно мучение и наказание», – вот что думал Вова, шагая в школу.

Что ж, я думаю, вы уже сами обо всём догадались. Да, к сожалению, это так: Вова Иванов был удивительный, необыкновенный лентяй.

Если бы собрать всех лентяев в нашем городе, то вряд ли

среди них нашёлся бы ещё хоть один такой, как Вова Иванов.

К тому же лень у Вовы была совсем особого свойства. Он просто не мог слышать, когда ему говорили: «Ты должен сходить в булочную» или «Ты должен помочь бабушке». Это коротенькое слово «должен» было для него самым ненавистным словом на свете. Как только Вова его слышал, на него тут же наваливалась такая необыкновенная, неодолимая лень, что он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

И вот Вова шёл с мрачным видом и ловил снежинки открытым ртом. Это уж всегда так. То тебе на язык падает сразу три снежинки, а то можно пройти десять шагов – и ни одной.

Вова широко зевнул и сразу проглотил по крайней мере двадцать пять снежинок.

«А сегодня ещё контрольная по математике... – с тоской подумал Вова. – И кто только их придумал, эти контрольные? Кому они нужны?»

Всё сразу показалось Вове таким серым и скучным, что он даже зажмурился. Так он шёл некоторое время, крепко зажмурившись, пока на что-то не налетел. Тут он открыл глаза и увидел озябшее дерево с ветками, покрытыми инеем. А ещё он увидел старый серый дом, где жил его приятель Мишка Петров.

Тут Вова очень удивился.

На серой стене, как раз около подъезда, висела табличка с надписью. Такая яркая табличка с разноцветными буквами.

Возможно, что она и раньше тут висела, и просто Вова не обращал на неё внимания. Но, скорее всего, Вова заметил эту табличку именно потому, что раньше её здесь не было.

Снежинки крутились и кувыркались перед глазами, как будто они не хотели, чтобы он прочёл надпись на табличке. Но Вова подошёл совсем близко и, часто мигая, чтобы снежинки не прилипали к ресницам, прочёл:

Детский Доктор, кв. 31, 5-й этаж.

А внизу было приписано:

Всех девчонок и мальчишек
Без страданий и мучений
Исцеляю я от шишек,
От обид и огорчений,
От простуд на сквозняке
И от двоек в дневнике.

Ещё ниже было написано:

Нажми звонок столько раз, сколько тебе лет.

А совсем внизу было приписано:

Больным в возрасте до года звонить в звонок необязательно.

Достаточно пиццать под дверью.

Вове сразу стало жарко, очень интересно и даже немного страшно.

Он распахнул дверь и вошёл в тёмный подъезд. На лестнице пахло мышами, а на нижней ступеньке сидел чёрный кот и смотрел на Вову очень умными глазами.

Лифта в этом доме не было, потому что дом был старый. Наверно, когда его строили, люди только ещё собирались изобрести лифт.

Вова вздохнул и поплёлся на пятый этаж.

«Зря я только по лестнице таскаюсь...» – вяло подумал он.

Но в это время где-то наверху хлопнула дверь.

Мимо Вовы пробежали девчонка и мальчишка.

– Понимаешь, – быстро говорила девчонка, как заяц шевеля коротким хорошеньким носом, – понимаешь, дал он мне такие конфеты в розовых бумажках. Съела я одну конфету и чувствую: не боюсь! Вторую конфету съела – чувствую: чужих собак не боюсь, бабушки своей не боюсь...

– А я... а я, – перебил её мальчишка, – три дня его капли в нос капал, и смотри-ка – пятёрка по пению... Анна Ивановна говорит: «Откуда у тебя слух взялся и даже голос? Ты теперь у нас в самодеятельности выступать будешь».

Голоса звучали всё тише и тише.

«Надо торопиться, – подумал Вова. – А то вдруг приём на сегодня закончится...»

Вова, пыхтя от усталости и волнения, поднялся на пятый этаж и десять раз старательно ткнул пальцем в кнопку звонка.

Вова услышал приближающиеся шаги. Двери квартиры распахнулись, и перед Вовой появился сам Детский Доктор, невысокий старичок в белом халате. У него была седая борода, седые усы и седые брови. Лицо у него было утомлённое и сердитое.

Но какие глаза были у Детского Доктора! Они были нежно-голубого цвета, как незабудки, но ни один хулиган на свете не мог смотреть в них больше трёх секунд.

– Если не ошибаюсь, ученик четвёртого класса Иванов! – сказал Детский Доктор и вздохнул. – Проходи в кабинет.

Потрясённый Вова пошёл по коридору вслед за спиной доктора, на которой тремя аккуратными бантиками были завязаны тесёмки от халата.

Глава 2. Детский Доктор

Кабинет Детского Доктора разочаровал Вову.

У окна стоял обычный письменный стол. Рядом с ним обычная кушетка, покрытая, как в поликлинике, белой кле-

ёнкой. Вова заглянул за обычное стекло белого шкафа. На полке с хищным видом лежали шприцы с длинными иголками. Под ними стояли флаконы, бутылочки, пузырьки с разными лекарствами, Вова даже показалось, что в одном пузырьке был йод, а в другом зелёнка.

– Ну, на что жалуешься, Иванов? – устало спросил Детский Доктор.

– Понимаете, – сказал Вова, – я... я ленивый!

Голубые глаза Детского Доктора блеснули.

– Ах так! – сказал он. – Ленивый? Ну, это мы сейчас посмотрим. А ну-ка, раздевайся.

Вова дрожащими пальцами расстегнул ковбойку. Детский Доктор приложил к Вовиной груди холодную трубку. Трубка была такая холодная, как будто её только что вынули из холодильника.

– Так-так! – сказал Детский Доктор. – Дыши. Ещё дыши. Глубже. Ещё глубже. Ну как, дышать лень?

– Лень, – признался Вова.

– Бедный ребёнок... – Детский Доктор поднял голову и с сочувствием посмотрел на Вову. – Ну а в булочную за хлебом сходить?

– Ох, лень!

Доктор на минуту задумался, постучал трубкой по ладони.

– Бабушку любишь? – неожиданно спросил он.

– Ага, – удивился Вова.

– А за что? – Детский Доктор наклонил голову набок, внимательно глядя на Вову.

– Хорошая она, – убеждённо сказал Вова, – вон у Мишки Петрова бабушка целый день ворчит. Моя – никогда! Просто не умеет.

– Так-так! Очень мило, – сказал Детский Доктор. – Ну а как насчёт того, чтобы помочь бабушке? Посуду помыть, что ли? А?

– Ну нет! – Вова затряс головой и даже на шаг отступил от Детского Доктора. – Это уж ни за что.

– Всё ясно, – вздохнул Детский Доктор. – Последний вопрос. В кино ходить не лень?

– Ну это ещё ничего. Это я могу... – немного подумав, ответил Вова.

– Понятно, понятно, – сказал Детский Доктор и положил трубочку на стол. – Случай очень тяжёлый, но не безнадёжный... Вот если бы тебе было лень ходить в кино... Вот тогда... Ну ничего, не огорчайся. Вылечим тебя от лени. А ну-ка, снимай ботинки и ложись на эту кушетку.

– Нет! – отчаянно закричал Вова. – Не хочу на кушетку! Я наоборот! Я хочу ничего не делать!

Детский Доктор от удивления высоко поднял свои седые брови и поморгал седыми ресницами.

– Не хочешь делать, так не делай! – сказал он.

– Да, а все ругаются: «Лентяй, бездельник!» – проворчал Вова.

– А, так ты вот зачем ко мне пожаловал! – Детский Доктор откинулся в кресле. – Значит, так: ты хочешь ничего не делать и чтобы тебя все хвалили?

Лицо Детского Доктора вдруг стало очень старым и грустным. Он притянул к себе Вову и положил руки ему на плечи.

– Не можете помочь, так и скажите... – упрямо и тоскливо бормотал Вова, глядя куда-то в сторону.

Голубые глаза Детского Доктора вспыхнули и погасли.

– Есть один-единственный способ... – холодно сказал он и слегка оттолкнул от себя Вову. Он взял авторучку и что-то написал на длинной бумажке.

– Вот тебе рецепт на зелёную пилюлю, – сказал он. – Если

ты примешь эту зелёную пилюлю, то ты сможешь ничего не делать, и никто не будет тебя ругать за это...

– Спасибо, дяденька Доктор! – торопливо сказал Вова, жадно хватая рецепт.

– Постой! – остановил его Детский Доктор. – По этому рецепту ты получишь ещё красную пилюлю. И если тебе снова захочется, чтобы всё было как прежде, – прими её. Смотри не потеряй красную пилюлю! – прокричал Доктор вслед убежавшему Вове.

Глава 3. Для Вовы Иванова начинается новая прекрасная жизнь

Вова, задыхаясь, бежал по улице. Снежинки таяли, не долетая до его пылающего лица. Он вбежал в аптеку, растолкал кашляющих старичков и чихающих старушек и сунул в окошко свой рецепт.

Аптекарьша была очень толстая и очень румяная, наверно потому, что могла лечиться сразу всеми лекарствами. Она долго с недоверчивым видом читала рецепт, а затем позвала Заведующего Аптекой. Заведующий был маленького роста, худой, с бледными губами. Может быть, он совсем не верил в медицину, а может быть, наоборот, питался одними лекарствами.

– Фамилия? – строго спросил Заведующий Аптекой, глядя то на рецепт, то на Вову.

– Иванов, – сказал Вова и похолодел.

«Ох, не даст! – подумал он. – Точно не даст...»

– Верно, Иванов. Так и написано: «В. Иванов», – задумчиво повторил Заведующий Аптекой, вертя в руках рецепт. – Кто же это «В. Иванов»?

– Это... это... – на миг замялся Вова и поспешно соврал: – Это мой дедушка, Вася Иванов. То есть Василий Семёнович Иванов.

– Так это ты для дедушки берёшь? – спросил Заведующий и перестал хмуриться.

– Ага, – быстро заговорил Вова, – он у нас, знаете, такой: целый день работает... и учится. Только отвернёшься, а он уже в булочную летит. А мама говорит: это ему уже вредно.

– Сколько лет твоему дедушке?

– Ой, он уже большой! – воскликнул Вова. – Ему уже восемьдесят! Ему уже восемьдесят первый пошёл...

– Нина Петровна, всё в порядке. Выдайте ему зелёную пилюлю № 8, – сказал Заведующий Аптекой, вздохнул и, согнувшись, ушёл в маленькую дверь.

Румяная аптекарша кивнула головой в белой шапочке и протянула Вова пакетик. Вова схватил его и нащупал под бумагой два круглых шарика.

Вова выскочил на улицу. Отошёл подальше от аптеки. На всякий случай ещё свернул за угол в переулок.

Руки от волнения у него немного дрожали. Он вытряхнул из пакета на ладонь две пилюли. Они были одинаковой величины. Обе круглые и блестящие. Только одна была совсем зелёная, а другая красная.

«Может, выкинуть эту красную? На что она мне? А, ладно, пускай...» – И Вова небрежно сунул красную пилюлю себе в карман.

Потом он осторожно взял зелёную пилюлю двумя пальцами, зачем-то подул на неё, воровато оглянулся по сторонам и быстро сунул её в рот.

Пилюля на вкус была какая-то горьковато-солёно-кислая. Она громко зашипела на языке и моментально растаяла.

И это было всё. Больше ничего не случилось. Ничего-ничего. Вова долго стоял с бьющимся сердцем. Но всё оставалось таким же, как прежде.

«Дурак я, что поверил! – со злостью и разочарованием подумал Вова. – Обманул меня этот Детский Доктор. Обыкновенная частная практика. Только в школу теперь опоздал...»

Вова медленно поплёлся по улице, хотя часы на площади показывали, что до начала уроков осталось всего пять минут.

Мимо Вовы, обогнав его, пробежали несколько мальчишек. Они тоже опаздывали.

Но тут Вова вспомнил о контрольной по математике, и ноги его пошли ещё медленней, стали спотыкаться и цепляться одна за другую.

Вова шёл и смотрел на падающий снег. Наконец ему стало казаться, что это падают с неба мелкие белые цифры, которые надо перемножить.

Так или иначе, но Вова приплёлся в школу только к началу второго урока.

– Контрольная! Контрольная! – летало по классу. Все рылись в портфелях, наполняли авторучки чернилами. У всех были озабоченные лица. Никто не дрался, не кидался шариками из жёваной бумаги.

Вова надеялся, что урок так и не начнётся. Может быть, звонок сломается, или загорится чья-то парта, или ещё что-нибудь случится.

Но звонок прозвенел, как всегда, беспечно и весело, и в

класс вошла Лидия Николаевна.

Вове показалось, что она как-то особенно медленно подошла к своему столу и торжественно положила на него тяжёлый портфель.

Вова в полном унынии сел на свою парту рядом с Мишкой Петровым.

Тут Вова очень удивился. Парта была как будто его, и Мишка Петров, как всегда, сидел рядом. Но почему-то Вовины ноги болтались в воздухе и не доставали до пола.

«Парту переменили! Наверно, из десятого класса принесли. Интересно, когда это они успели?» – подумал Вова.

Он только хотел спросить у Мишки, видел ли он, как из

класса выносили их парту и вносили новую, но тут Вова заметил, что в классе стало как-то удивительно тихо.

Он поднял голову. Что такое? Лидия Николаевна, опершись руками о стол и наклонившись вперёд, смотрела прямо на него, на Вову Иванова, широко открытыми, изумлёнными глазами.

Это было невероятно. Вова всегда считал, что Лидия Николаевна не удивится даже в том случае, если в классе вме-

сто ребят за партами окажутся сорок тигров и львов с невыученными уроками.

– Ой! – тихонько сказала Катя, сидевшая на последней парте.

– Так. Ну что ж, это даже похвально, – наконец сказала Лидия Николаевна своим обычным, спокойным, немного железным голосом. – Я понимаю, что тебе хочется ходить в школу. Но ты лучше пойди поиграй, побегай...

Потрясённый Вова взял портфель и вышел в коридор. А во время занятий это было самое необитаемое и пустынное место в мире. Можно было подумать, что здесь никогда не ступала человеческая нога.

В раздевалке тоже было пусто и тихо.

Ряды вешалок с висящими на них пальто были похожи на дремучий лес, а на опушке этого леса сидела нянечка в тёплом мохнатом платке. Она вязала длинный чулок, похожий на волчью ногу.

Вова быстро надел пальто. Это пальто мама купила ему два года назад, и Вова успел за эти два года из него порядочно вырасти. Особенно из рукавов. А теперь рукава были как раз.

Но Вова было некогда удивляться. Он боялся, что сейчас наверху лестницы появится Лидия Николаевна и своим строгим голосом скажет, чтобы он шёл писать контрольную.

Вова дрожащими пальцами застегнул пуговицы и бросился к двери.

Глава 4. Прекрасная жизнь продолжается

Вова, задыхаясь от радости, выскочил на улицу.

«Пускай они себе там задачки решают, умножают трёхзначное на пятизначное, ошибочки сажают, волнуются... – подумал он и засмеялся. – А мне сама Лидия Николаевна сказала: „Пойди поиграй, побегай“. Вот молодец Детский

Доктор – не наврал!»

А снег всё падал и падал. Сугробы показались Вова какими-то особенно высокими. Нет, никогда на их улице не было таких высоких сугробов!

Тут к остановке подъехал озябший троллейбус. Провода над ним просто дрожали от холода, а окна были совсем белые. Вова вспомнил, что этот троллейбус останавливается как раз около булочной, и встал в очередь. Но высокий худой гражданин в коричневой шляпе, на полях которой лежало порядочно снега, пропустил Вову вперёд и сказал:

– Проходи! Проходи!

И все люди, стоявшие в очереди, сказали хором:

– Проходи! Проходи!

Вова удивился и поскорей залез в троллейбус.

– Иди садись к окошку, – предложил Вова старичок в больших очках. – Граждане, да пропустите же человека!

Все пассажиры сейчас же расступились, и Вова мимо колен старичка пролез к окошку.

Вова стал дышать на белое непрозрачное стекло. Он дышал, дышал и вдруг в маленькую круглую дырочку увидел витрину булочной. На витрине виселись башни из сушек, уютно свернувшись, лежали плюшки, а на них с надменным видом глядели большие крендели, скрестив на груди круглые руки.

Вова выскочил из троллейбуса.

– Осторожнее! Осторожнее! – закричали хором все пас-

сажиры.

Вова с трудом открыл тяжёлую дверь булочной и вошёл. В магазине было тепло и необыкновенно хорошо пахло. Вова выбрал свои любимые батоны, посыпанные маком. Продавщица, красивая девушка с толстыми косами, с улыбкой протянула свою обнажённую до локтя белую руку и помогла Вове сунуть батоны в авоську.

– Ах ты, какой хороший, мамочке своей помогаешь! – сказала она красивым, звонким голосом.

Вова опять удивился, но ничего не сказал и вместе с круглыми клубами белого пара вышел на улицу.

А в воздухе по-прежнему кружился снег.

Портфель и авоська с хлебом оттягивали ему руки.

– Ну и батоны, тяжёлые какие, – удивился Вова, – а портфель тоже ничего себе. Как будто камнями набит.

Вова положил портфель на снег, а сверху авоську с батонами и остановился отдохнуть.

– Бедненький! – пожалела Вову синеглазая тётя в мягком белом платке, державшая за руку малыша в мохнатой шубке. Поверх шубки малыш был тоже закутан в мягкий белый платок. Видны были только два чересчур больших синих глаза. Имелись ли у малыша рот и нос – было неизвестно.

– Дай-ка я тебе помогу! – сказала синеглазая тётя. Она взяла из рук Вовы портфель и авоську.

Вова тихонько ахнул и пошёл вслед за тётей.

«Вот это жизнь! – подумал он и чуть не застонал от вос-

торга. – Ничего не надо делать. А сколько лет мучился! Надо было мне давно такую пилюлю принять!..»

Тётя проводила Вову до самого подъезда и даже поднялась с ним на второй этаж.

– Молодец, умница, – сказала она и ласково улыбнулась.

– Чего это все меня хвалят? – удивился Вова, глядя на два больших белых платка, спускавшихся вниз по лестнице.

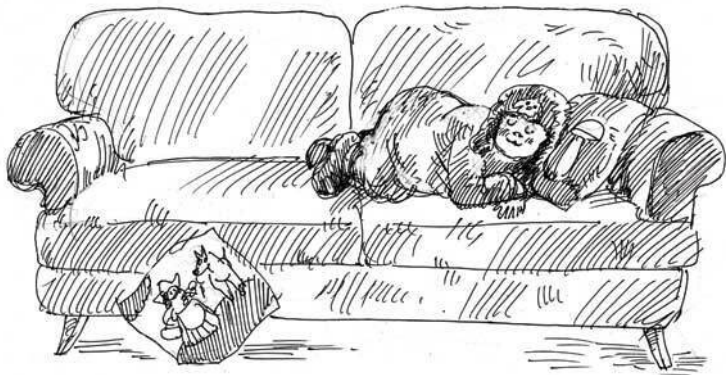
Дома никого не было. Наверно, мама всё ещё была у своей мамы, Вовиной бабушки.

«Все ребята в школе, мучаются, задачки решают, а я уже дома, – подумал счастливый Вова и лёг на диван прямо в пальто и галошах. – Вот захочу и весь день на диване пролежу. Чего лучше?»

Вова сунул под голову подушку, на которой бабушка вышила Красную Шапочку с корзиночкой и Серого Волка. Чтобы ему стало ещё уютней, он подтянул колени к подбородку, а ладонь сунул под щёку.

Так он лежал и смотрел на ножки стола и на край свисающей скатерти. Раз, два, три, четыре. Четыре ножки стола. А под столом вилка. Упала, когда Вова завтракал, а поднять было лень.

Нет, почему-то так лежать было скучно.

«Наверно, подушка скучная попалась», – решил Вова.

Он сбросил на пол подушку с Красной Шапочкой и подтянул к себе подушку, на которой были вышиты два громадных мухомора.

Но лежать на мухоморах было ничуть не интересней.

«Может, просто на этом боку лежать скучно, на другом лучше?» – подумал Вова, повернулся на другой бок и уткнулся носом в спинку дивана. Нет, и на этом боку лежать скучно, несколько не веселей.

«Ох, – вспомнил Вова, – так ведь я договорился с Катькой в кино пойти. В четыре часа».

Вова даже засмеялся от удовольствия. Может, забежать за ней? Нет, ясное дело, Катя сейчас уроки учит. Вова представил себе, как она ровненько сидит за столом и, высунув кон-

чик языка, старательно пишет в тетрадке.

Тут Вова уже не смог сдержать снисходительной улыбки. Эх, Катька, Катька! Где уж ей! Разве она когда-нибудь догадается принять зелёную пилюлю?

«Ладно, пойду билеты куплю. Заранее», – решил Вова.

Глава 5. В которой Вова узнаёт одну невероятную вещь

Снег всё падал и падал.

Вова подошёл к кинотеатру. В кассу стояла длинная очередь. Девчонки и мальчишки с круглыми счастливыми глазами отходили от кассы, держа в руках синие билеты.

Возле кассы Вова увидел Гришку Ананасова. Гришка Ананасов прежде учился вместе с Вовой, но потом остался на второй год во втором классе. И все ребята из Вовино-го класса просто прыгали от восторга, а зато ребята из того

класса, куда он попал, нисколько не были рады.

Потому что больше всего на свете Гришка любил кидаться камнями, нападать из-за угла, бить малышей, подставлять подножки и обливать чужие тетрадки чернилами.

Гришка с важностью прохаживался вдоль очереди, таща за собой на ремешке рыженького лопухого щенка.

Такой уж он был, этот Гришка Ананасов, стоило только ребятам где-нибудь собраться, как тотчас же там появлялся Гришка со своим щенком.

Он это делал, чтобы все ему завидовали.

И все завидовали.

Потому что не было ни одной девчонки или мальчишки, кто бы не мечтал о щенке. Но почти ни у кого щенка не было, а у Гришки был. Да ещё какой славный: простодушный, лопухий, с носом, похожим на подтаявшую шоколадку.

Гришка часто хвастался:

– Я из него однолюба выращу. Одного меня будет любить, просто обожать! – При этих словах Гришка закатывал глаза и даже вздыхал: что, мол, поделаешь, любит меня, и всё. – А на всех других будет кидаться, грызть, рвать в куски! – Тут Гришка с довольным видом потирал руки и начинал хохотать.

Вова посмотрел на щенка. Вид у щенка был совсем неважный. Какой-то полузадушенный, несчастный. Видно было, что он вовсе не хочет идти за Гришкой. Он упирался всеми четырьмя лапами и скорее ехал по снегу, чем шёл за Гриш-

кой. Голова у щенка свесилась набок, а высунутый розовый язык дрожал.

Гришка увидел, что все смотрят на него, ухмыльнулся от удовольствия и, безжалостно дёрнув поводок, подтянул щенка к себе.

– Однолюб, – с важностью сказал он и вздохнул, – одного меня любит...

– Чего зеваешь, твоя очередь, – сказал Вова какой-то мальчишка и подтолкнул его в спину.

Вова очутился прямо перед кассой. В полукруглое окошечко он увидел две деловитые руки в кружевных манжетах. Руки были белые, с красивыми розовыми ногтями, похожими на конфеты.

Но когда Вова, встав на цыпочки, сунул в белые руки свои двадцать копеек, то вдруг в окошечке показалась голова кассирши. В ушах её блеснули и закачались длинные серёжки.

– А ты приходи утром, с мамой! – сказала она ласково. – Утром будет для тебя подходящая картина. Про Иванушку-дурачка.

– Не хочу про дурачка! – с обидой закричал Вова. – Хочу про войну!

– Следующий! – Голова кассирши исчезла. Остались только две руки в кружевных манжетах. Одна из рук строго погрозила Вова пальцем.

Вне себя от возмущения, Вова выскочил на улицу.

И тут он увидел Катю.

Да, это была Катя, и снежинки падали на неё так же, как

и на всех других. А вместе с тем это как будто была совсем и не Катя. Она была какая-то высокая и незнакомая.

Вова с изумлением уставился на её длинные ноги, на аккуратные косы, завязанные коричневыми бантами, на серьёз-

ные, немного грустные глаза, на румяные щёки. Он уже давно заметил, что у других девчонок от мороза краснеют носы. Но у Кати нос всегда был белый, как будто сделан из сахара, и только щёки ярко горели.

Вова смотрел, смотрел на Катю, и вдруг ему мучительно захотелось не то убежать, не то провалиться сквозь землю.

– Да это же Катька. Просто Катька. Ну самая обыкновенная Катька. Что я, честное слово... – пробормотал Вова и заставил себя подойти к ней. – Катька! – тихо сказал он. – Вот тебе двадцать копеек. Пойди купи билеты. Там кассирша какая-то ненормальная...

Но Катя почему-то не взяла двадцать копеек. Она посмотрела на него своими серьёзными, немного грустными глазами и попятилась.

– Я тебя не знаю! – сказала она.

– Так это же я, Вова! – закричал Вова.

– Ты не Вова, – тихо сказала Катя.

– Как не Вова? – удивился Вова.

– Так, не Вова, – ещё тише сказала Катя.

Вова так и замер с открытым ртом. Ну, знаете ли! Это ему, Вова, говорят, что он не Вова. Уж кто-кто, а он-то знает поллучше других, Вова он или не Вова.

А вот с Катькой определённо творится что-то не то.

Вова только хотел сказать Кате что-нибудь остроумное. Например, нет ли у неё сегодня высокой температуры. И не надо ли ей поскорей бежать домой, пока от её температуры

все сугробы на улице не растаяли. Но он не успел вымолвить и словечка. Потому что в это время к Кате, как всегда крадучись, подошёл Гришка Ананасов. Он подошёл к Кате и сильно дёрнул её за косу.

– Ой! – покорно и беспомощно вскрикнула Катя.

Этого Вова уже не мог выдержать. Он сжал кулаки и бросился на Гришку. Но Гришка захохотал, показав все свои ярко-жёлтые нечищенные зубы, и толкнул Вову головой прямо в сугроб. Вова отчаянно забарахтался в снегу, но сугроб был глубокий и тёмный, как колодец.

– Хулиган! – где-то далеко прозвенел Катин голос.

И вдруг Вова почувствовал, как чьи-то большие и очень добрые руки вытаскивают его из сугроба.

Вова увидел перед собой настоящего лётчика.

– Как тебе не стыдно! – с отвращением в голосе сказал лётчик Гришке.

Гришка гордо высморкался и ушёл за сугроб.

Лётчик отряхнул Вову сзади, потом ладонью стал чистить ему колени.

Вова стоял, расставив руки, и вблизи смотрел на смелое лицо лётчика, которое немного покраснело, оттого что лётчику пришлось сильно нагнуться.

– Ну чего загрустил? – спросил лётчик, вытряхивая снег, попавший Вове за воротник. – Приходи ко мне в гости. Видишь этот дом? Квартира сорок. Поиграешь с моей дочкой Томой. Она у меня знаешь какая весёлая!

Вова так растерялся, что даже не сообразил, что ответить.

Лётчик оглянулся по сторонам, наклонился к самому Во-
виному уху и вдруг негромко шепнул:

– Лётчиком стать хочешь?

– Хочу! – задохнулся Вова.

– И будешь, – убеждённо сказал лётчик. – Вон ты какой.

За девочек заступаешься. Обязательно будешь. Я людей на-
сквозь вижу.

Лётчик так пристально посмотрел на Вову, что тому ста-
ло даже как-то не по себе. Вдруг и вправду этот смелый лёт-
чик видит людей насквозь. Тогда он обязательно увидит, что
Вова...

– А время, оно, брат, быстро летит, – почему-то вздохнул
лётчик, – в школу пойдёшь, а там в институт... Станешь лёт-
чиком. Вместе летать будем.

Сказав это, лётчик серьёзно кивнул Вова, как будто они были старыми друзьями, и ушёл.

Вова молча посмотрел ему вслед. Что-то в словах лётчика огорчило его. Школа, институт...

Но в этот момент Вова увидел Гришку. Гришка уходил. Гришка уже сворачивал за угол. Собственно говоря, Вова увидел только край Гришкиной белой курточки и рыжего щенка, который, съёжившись в жалкий комок, волочился за Гришкой.

– Ну я тебе сейчас покажу, как меня при Катьке в сугроб пихать! – пробормотал Вова и даже зубами заскрипел от оби-

ды.

Он прикинул, что, если перелезть через забор, он без труда догонит Гришку.

А Вова совсем неплохо лазил через заборы. Если ему было не лень, он мог перескочить через забор не хуже другого мальчишки. Но на этот раз случилось нечто странное.

Вова подбежал к забору, ухватился за перекладину и попробовал подтянуться на руках, но вместо этого упал в снег. Ещё раз подтянулся на руках и опять упал в снег.

– Что это сегодня со мной такое, не пойму... – растерянно пробормотал Вова, медленно поднимаясь. – И все какие-то чудные. Даже Катька. Меня не узнала, смешно...

В это время кто-то толкнул его в плечо.

Мимо него, согнувшись крючком, прошёл грустный Худой Дядя, как лошадь уныло покачивая головой. Он тащил за собой низенькую тележку, на которой гордо стоял большой зеркальный шкаф.

В зеркале отражались улица и беспокойный танец снежинок.

Позади шкафа шла Толстая Тётя и немного придерживала этот шкаф руками.

Она с решительным видом поглядывала по сторонам: как будто из любого переулка могли выскочить разбойники и отнять у неё этот чудесный зеркальный шкаф, чтобы потом самим смотреться в длинное зеркало.

Грустный Дядя на минуту остановился, чтобы хоть немного отдышаться, и в этот момент Вова увидел в зеркале какого-то смешного малыша.

Наверно, это был самый глупый малыш на свете. Пальто ему было почти до пят. Из-под пальто торчали огромные ботинки с галошами. Уныло болтались длинные коричневые рукава.

Если б не оттопыренные уши, большая шапка съехала бы ему на самый нос.

Вова не выдержал и, схватившись за живот, громко расхохотался.

Малыш в зеркале скрестил на животе свои длинные коричневые рукава и тоже захохотал.

Вова удивился и подошёл поближе.

Ой! Да ведь это был он сам – Вова Иванов.

Голова у Вовы закружилась. В глазах потемнело.

Зеркальный шкаф давно перебрался на другую сторону улицы и поехал к себе домой, а Вова, бледный от ужаса, всё ещё стоял на том же месте.

– Вот оно что! Теперь понятно... – прошептал Вова, хотя ему ничего не было понятно.

«Надо маме сказать. Вдруг она ещё заругается, что я маленьким стал?» – подумал Вова и, подобрав полы пальто, быстро побежал к телефону-автомату.

Глава 6. Вова Иванов решает принять красную пилюлю

Вова долго не мог достать из кармана монету. Карман был теперь у самых колен, а когда Вова нагнулся, карман опус-

кался ещё ниже.

Наконец Вова, придерживая рукой непослушный карман, достал две копейки и вошёл в телефонную будку.

Он хотел набрать номер своего телефона, но вдруг, к ужасу своему, убедился, что он его забыл.

«Двести пятьдесят три... – мучительно думал Вова. – А может быть, и не двести пятьдесят три...»

Вова долго стоял и вспоминал его в полутёмной холодной будке, но так и не вспомнил.

Ноги у него так озябли, что он испугался, как бы они не примёрзли к полу.

Потом какой-то дядя, похожий на дятла, постучал чем-то в стекло – не то монеткой, не то своим красным носом.

Вова вышел из автомата.

Уже смеркалось. Снежинки стали совсем серые. Вова прошёл мимо большого тёмного грузовика. Засыпанный снегом шофёр, согнувшись, стоял возле колеса и подвинчивал какую-то гайку.

Шофёр выпрямился и отряхнулся. Во все стороны от него полетел снег.

– Это знаешь что? – сказал шофёр Вова и показал ему большой гаечный ключ.

– Знаю! – поспешно ответил Вова и добавил: – Мне папа таким ключом велосипед чинил.

– Ну если ты уже на велосипеде гоняешь, – с уважением протянул шофёр, – тогда вот что, брат: поддержи-ка минуточ-

ку ключ вот в таком положении...

Шофёр на животе уполз под грузовик, а Вова ухватился за рукоятку ключа и забыл о своих огорчениях. А тут ещё на заборе появились трое засыпанных снегом мальчишек.

Они с завистью уставились на Вову, который помогал чинить настоящий большой грузовик. Вова посмотрел на них с гордостью, а потом нарочно сделал обычное, скучное лицо, как будто он каждый день помогает всем шофёрам в городе чинить грузовики.

– Держи. Держи крепче. Ровнее! – из-под грузовика сказал шофёр.

Вова и так держал ключ изо всех сил. Ключ был большой, чёрный и очень холодный. И почему-то он становился всё тяжелее и холоднее. Он тянул Вовины руки вниз. Вова напрягся изо всех сил, стиснул зубы и даже зажмурился. Но ключ всё-таки вырвался из его рук и упал прямо на ногу шофёра, торчащую из-под грузовика.

– Э-эх! – страдальчески охнул шофёр, выглядывая из-за колеса. – А ну, ребята, помогите мне! – крикнул он мальчишкам, сидевшим на заборе, и добавил: – А ты домой иди. К мамке. Тебе спать пора.

Засыпанные снегом мальчишки свистнули от восторга и прыгнули с забора.

А Вова, втянув голову в плечи, поспешно свернул за угол. «Да я, может, в десять часов ложусь. Да я, может, недавно в пять минут одиннадцатого лёг... – думал он, изо всех сил

стараясь не зареветь от глубокой обиды. – Да я, если хочу, сто гаек сам заверну...»

Вова оглянулся. Он никогда не был в этом переулке. Переулок был кривой, тёмный, весь засыпанный снегом.

«Куда это я забрёл? – подумал Вова. – Может, тут и люди не живут? Никого не видно. И темно как...»

Но в это время замигали, замерцали сиреневым светом фонари, подвешенные где-то высоко-высоко, почти в небе. И все снежинки радостно бросились к ним, завились вокруг них кругами.

И тут Вова увидел вдалеке, в самом конце переулка, свою бабушку. Она была маленькая, в старом пальто. Бабушка шла, немного перекосившись набок, потому что в одной руке она несла чемодан.

Она останавливалась под каждым фонарём, ставила чемодан на землю и, развернув какую-то узкую бумажку, близо-руко наклонялась и рассматривала её.

– Бабушка! – крикнул Вова и подбежал к ней.

Но тут он увидел, что это вовсе не его бабушка, а просто какая-то очень похожая на неё старушка.

И хотя у старушки и нос, и глаза, и рот были совсем другие, всё равно она была похожа на Вовину бабушку. Наверно, потому, что у неё было очень доброе лицо и старые узкие плечи.

– Видишь, внучек, – сказала старушка, беспомощно поднося бумажку к глазам, – к дочке приехала. Ведь писала мне дочка: «Телеграмму пришли – я тебя встречу». А я всё сама да сама. Вот тебе и сама! Заблудилась я. И адрес не прочту никак. Вон буквы какие мелкие, словно букашки...

– Давайте я прочту, – не выдержал Вова. – И чемодан до не...

Тут Вова покосился на чемодан и не договорил. Это раньше ему ничего бы не стоило отнести этот чемодан хоть на край света. А теперь он, наверно, с трудом приподнял бы его двумя руками.

– А ты разве читать умеешь? – недоверчиво спросила старушка и улыбнулась.

– Я в четвёртом классе учусь! – даже обиделся Вова. Старушка вздохнула и как-то нерешительно протянула ему бумажку.

– У... л... и... Ули... – начал читать Вова, но почему-то он читал по складам, – ц... а... ца. Улица, – наконец прочёл Вова.

– Правильно, улица, – обрадовалась старушка. – Надо же, какой разумник! Ну, дальше читай, внучек.

– Дальше... – Вова запнулся. – Дальше...

Что такое? Странное дело. Вова никак не мог вспомнить следующую букву. Буква была большая, заглавная и очень знакомая. Вова мог поклясться, что встречал её в книжках сто, тысячу раз... Но сейчас он никак не мог её вспомнить.

«А, ладно, и без первой буквы обойдусь как-нибудь», – решил Вова.

– П... р... о... про... – сложил Вова, не замечая, что он немного переставил буквы местами, – т... и... в... тив... н... а... я... противная. Улица Противная, – наконец прочёл Вова и поднял на старушку глаза.

– Противная?! – негромко ахнула старушка. – Нет, не Противная. Мне дочка её как-то по-другому называла.

Она укоризненно посмотрела на Вову и вытянула из его пальцев бумажку с адресом. Под ближайшим фонарём она опять остановилась. А снег падал ей на спину и плечи.

«Зря я только с этой пилюлей связался...» – вдруг с тоской подумал Вова.

Вот бы вспомнить сейчас все буквы и прочесть этот злощастный адрес! Тогда Вова обязательно отвёл бы эту старушку к её дочке. Он бы позвонил в звонок, а дочка открыла бы дверь, и обрадовалась, и удивилась. А Вова бы сказал совсем просто: «Вот вам пожалуйста ваша мама. Я её нашёл на улице, далеко-далеко отсюда...»

Но тут Вова увидел, что к старушке быстрым шагом подошла какая-то девушка. На ней была короткая клетчатая юбка, а на голове узкая вязаная шапочка. В руке у неё была папка, а в ней, наверно, книги и тетради.

– Улица Спортивная, дом пять, – громко прочитала девушка. И уж конечно, она читала не по складам и помнила все буквы.

– Спортивная, точно, Спортивная, – с облегчением засмеялась старушка. – Так мне и дочка называла: Спортивная улица. А не Противная.

Девушка легко подняла чемодан, как будто он был набит одним пухом, и пошла рядом со старушкой, стараясь приноровиться к её мелким шагам.

Вова посмотрел им вслед и почувствовал себя каким-то совсем жалким, никому не нужным. От этого ему стало ещё холодней, ещё зябче.

Он побрёл по переулку.

Дома стояли тёмные, молчаливые. И только где-то высо-

ко-высоко одно за другим зажигались разноцветные окна. Они были так высоко, что, конечно, никто оттуда не мог разглядеть Вову.

Но зато на Вову теперь смотрели все водосточные трубы. Они смотрели на него со злорадством, открыв свои круглые чёрные рты и дразнили его белыми ледяными языками.

Вове стало страшно.

Он побежал по переулку, но вдруг поскользнулся на тёплом обледенелом тротуаре и упал, нелепо взмахнув длинными рукавами. Он проехал ещё немного на животе и остановился, ухватившись за колёса какой-то детской коляски.

И вдруг к Вове подбежали сразу три настоящих моряка. Они были высокие, как мачты, эти моряки.

– Человек за бортом! – сказал один из моряков.

А второй моряк нагнулся и поднял Вову.

Вова почувствовал у себя на лице его тёплое дыхание.

Потом моряк расправил Вовино пальто и аккуратно положил его в коляску рядом с каким-то сладко спящим ребёнком, завёрнутым в белое одеяло.

А третий моряк прикрыл Вовины ноги какими-то кружевами и спросил:

– Моряком быть хочешь?

– Лётчиком... – еле слышно прошептал Вова.

– Тоже неплохо, – одобрительно кивнул высокий моряк, – молодец!

Все они улыбнулись Вове и ушли. Наверно, они отправи-

лись на свой корабль.

А Вова остался в коляске.

Он с тревогой покосился на своего соседа. Сосед тихо дышал носом, держа в маленьких губах оранжевую соску.

В это время из-за угла, фыркая, выехал грузовик. В его кузове, вопя от восторга, подпрыгивали засыпанные снегом мальчишки.

– Дяденька, меня вот к этому дому! – крикнул один из мальчишек, стуча кулаком по кабине.

– А меня к этому! – крикнул другой.

«Ишь, по домам развозит... – с завистью подумал Вова и вдруг похолодел от страха. – Только бы они меня в этой коляске не заметили! Зачем только фонари горят?..»

Вове показалось, что фонари горят просто ослепительно. Заливают его светом всего с ног до головы. Он вцепился в край белого кружевного одеяла и попробовал натянуть его на себя. Но одеяло было слишком коротким, и Вова только разбудил спящего рядом с ним малыша. Малыш зашевелился и сонно зачмокал губами.

Вова съёжился в коляске, с ужасом глядя на подъезжающий грузовик.

И тут случилось самое страшное. Один из мальчишек, перегнувшись через борт грузовика, что-то громко крикнул и захохотал, указывая на Вову. Все остальные мальчишки подкатились к нему и тоже свесились через борт, разглядывая Вову.

Они что-то захлебываясь кричали, пихали друг друга локтями, мяукали, пищали.

А тут ещё грузовик, как нарочно, притормозил около поворота.

Вова лежал неподвижно, зажмурившись изо всех сил, уши у него так и пылали. Он просто с удовольствием провалился бы сейчас сквозь землю.

Наконец грузовик громко зафыркал, насмешливо, как показалось Воле, и уехал.

Вова поспешно перекинул ноги через край коляски и, как мешок, шлёпнулся на землю. Он с трудом встал и скорей отошёл в сторонку, отбрасывая ногами длинные полы пальто.

В это время стукнула дверь подъезда. Из дома вышли две тётки. Одна тётка была в белой короткой шубке, другая в чёрной.

– Ну видишь, видишь, – возбуждённо и радостно сказала тётка в светлой шубке, – что я тебе говорила?

Вова согнул коленки, присел на корточки и прижался спиной к стене.

– Удивительно вырос! – сказала вторая тётка, наклоняясь над коляской. – Просто взрослый человек!

– Растёт не по дням, а по часам! – Тётка в светлой шубке заботливоправила одеяльце.

Она взялась за ручку коляски. Коляска, приятно поскрипывая, покатилаь. Две шубки, светлая и тёмная, скрылись. Снег пошёл ещё гуще, засыпая всё кругом.

– Не хочу я так больше, не могу... – Слезы потекли у Вовы из глаз, холодя и обжигая щёки. – Этому-то в коляске хорошо... Чего ему? Лежи себе, и всё. Он ещё ничего не знает. А я... а я...

Вова, всхлипывая и подтягивая пальто кверху, решительно полез в карман за красной пилюлей. Карман был какой-то огромный. Он был просто бездонный. Но Вова всё-таки нащупал в дальнем уголке маленький шарик.

Пилюля лежала у него на ладони. Она была маленькая и в темноте казалась совсем чёрной.

Вова поднёс её ко рту.

Глава 7. В которой рассказывается, кто принял красную пилюлю и что из этого вышло

Вова Иванов уже открыл рот, чтобы поскорее проглотить красную пилюлю, но вдруг снежинки разлетелись в разные стороны, и перед Вовой появилась Толстая Тётя. Это была та самая Толстая Тётя, которая вместе с Худым Дядей везла зеркальный шкаф.

Толстая Тётя посмотрела на Вову жадными глазами и ра-

достно сказала:

– Ну конечно, ребёнок заблудился. А какой он хорошенький, толстенький!

Вове показалось, что она даже облизнулась.

Худой Дядя с жалостью поглядел на Вову и грустно, как лошадь, покачал головой.

Тут Вову обступили ещё какие-то высокие тётки и высокие-высокие дяди и стали почему-то ругать Вовину маму.

– Мама не знает, что я маленький! – обиженно пискнул Вова. Голос у него стал каким-то удивительно тонким и слабым.

– Вы видите, она даже не знает, что у неё есть маленький! – с возмущением сказала Толстая Тётя и подняла руки вверх. С рукавов у неё посыпался снег.

В это время из-за Толстой Тёти появился Гришка Ананасов. Конечно, ему давно было пора идти спать. Но он всё бродил по улицам, надеясь встретить ещё хоть кого-нибудь, кто бы ему позавидовал. Хотя, собственно говоря, завидовать было уже почти нечему. Гришкин щенок теперь больше всего напоминал жалкую потёртую рыжую шкурку, набитую ватой. Он даже не упирался, а бессильно волочился за Гришкой по снегу.

Гришка прошёл мимо Вовы, задрав нос, стреляя глазами по сторонам. Он нарочно очень громко сказал:

– Рэкс, ко мне! – И добавил потише, даже со вздохом: – Однолюб! Одного меня любит...

Конечно, все повернулись и посмотрели на него. А Гришке только того было и надо. Он захихикал от удовольствия и грубо подтянул щенка к себе.

– Гражданин, кто тут потерялся? – раздался спокойный, твёрдый голос.

Все расступились. К Воле подошёл милиционер. Он был совсем молодой и очень румяный. Но у него были строгие нахмуренные брови.

– Иди домой и не мешайся! – сердито сказал милиционер Гришке, и было видно, что он нисколько ему не завидует.

– Подумаешь, пацанёнок потерялся... – оскорблённо проворчал Гришка Ананасов, но всё-таки отошёл в сторонку.

Никогда ещё Вова не видел таких высоких милиционеров. Когда он наклонился, ему пришлось сложиться, как перочинному ножу.

– Ребёнок заблудился! – сказала Толстая Тётя, нежно улыбаясь милиционеру.

– Я не заблудился, я уменьшаюсь! – отчаянно крикнул Вова.

– Что-о?! – удивился милиционер.

– Он не умещается в этом пальто! – объяснила Толстая Тётя. – То есть пальто не умещается в нём...

– Минуточку, гражданка! – поморщился милиционер. – Скажи мне, мальчик, где ты живёшь?

– На улице... – прошептал Вова.

Больше он ничего не добавил, потому что забыл свой ад-

pec.

– Вот видите, он живёт на улице! – угрожающе сказала Толстая Тётя и умоляюще сложила руки.

– А как твоя фамилия? – ласково спросил милиционер и ещё ниже наклонился к Воле.

– Вова... – ответил Вова и горько заплакал.

Толстая Тётя застонала, а потом вынула носовой платок с жёсткими кружевами и приложила его к Вовину носу.

– Сделай вот так, деточка! – сказала она и громко дунула носом.

Воле стало нестерпимо стыдно. Он отчаянно рванулся, но Толстая Тётя крепко держала его за нос двумя холодными твёрдыми пальцами.

– Нет, я знаю, что надо делать с этим несчастным ребёнком! – неожиданно громко воскликнула Толстая Тётя и выпустила Вовин нос.

Все с удивлением поглядели на неё.

Гришка Ананасов воспользовался тем, что все отвернулись, размахнулся и сильно стукнул Вову кулаком по спине.

Вова пошатнулся. Он взмахнул руками, чтобы устоять на ногах. И тут пилюля, зажатая в его кулаке, вылетела и покати­лась по земле.

А покати­лась она не куда-нибудь, а прямо к носу Гришкиного щенка, который уже почти без чувств лежал на снегу.

Вова вскрикнул и бросился за пилюлей. Но тот, кто это испытал, знает, как неудобно бегать в пальто, которое воло-

чится по земле. Вова сделал два шага и растянулся на снегу.

Конечно, щенок вовсе не знал, что это за пилюля. Он даже не догадывался, что произойдёт в следующее мгновение. Ему уже было всё равно. Просто какой-то шарик подкатился к его носу, и он, сам не зная как, высунул язык и слизнул его со снега.

И вот что случилось в следующий момент.

Голова у щенка стала расти. Вместо мелких щенячьих зубов блеснули белоснежные клыки. Ошейник лопнул на его могучей шее. На спине и на боках выросла густая чёрная шерсть, а роскошный хвост развернулся веером.

«Ай! Ой! Ах! Ох!» – закричали все. Даже молодой милиционер сказал: «Хм!» Жалкий щенок превратился в огромного пса.

Пёс некоторое время стоял в полном остолебенении, широко расставив свои мощные тяжёлые лапы. Потом он осторожно оглядел себя через плечо одним глазом. Зарычал густым басом и, наклонив голову, прислушался к своему новому голосу.

Наконец он всё понял. Он подошёл к Вове и с признательностью облизал ему обе щеки горячим мягким языком. Он несколько раз благодарно пролаял. И хотя никто из присутствующих не знал собачьего языка, все почему-то тут же поняли, что он сказал Вове «спасибо».

Потом он дружественно подал лапу растерявшемуся милиционеру, удивительно вежливо повилял хвостом перед

Толстой Тётей и ласково ткнулся носом в ладонь Худому Дяде.

– Какое милое создание! – не выдержав, воскликнула Толстая Тётя.

Но огромный пёс тем временем уже повернулся к Гришке.

Тут с огромным псом произошла какая-то странная перемена. Шерсть вздыбилась у него на загривке, и он стал от этого ещё огромней. Он глухо и угрожающе зарычал. Тяжело и медленно переступая лапами, он грозно двинулся прямо на Гришку. Гришка тихо пискнул и попятился.

– Однол-люб... Одногo м-меня л-лю... – заикаясь, про-бормотал он.

Услышав эти знакомые ненавистные слова, пёс просто взвился от ярости. Он сделал молниеносный прыжок и цапнул Гришку за палец.

Гришка испустил оглушительный вопль, похожий на гудок приближающейся электрички. Даже снежинки на мгновение остановились в воздухе вокруг него.

Милиционер бросился между Гришкой и псом. Но пёс уже равнодушно отвернулся от Гришки, на прощание дружелюбно помахал хвостом и не спеша отправился в тёмный переулок.

Было ясно, что он пошёл искать себе нового хозяина, совсем не похожего на Гришку.

Гришка в отчаянии взмахнул поводком, на котором болтался разорванный ошейник, и завопил ещё громче. Это было уже похоже на гудок совсем близко подъехавшей электрички.

Все обступили Гришку.

– Не волнуйтесь, граждане, – спокойно сказал милиционер. – Ничего особенного. Небольшой укус в мизинец левой руки. Это твоя собака? – обратился он к Гришке.

– Не знаю... – жалобно всхлипнул Гришка Ананасов.

– Как это ты не знаешь? – Милиционер изумлённо поднял брови.

– Ничего я не знаю... – отчаянно шмыгая носом, повторил Гришка.

– А если подумать? – строго сказал милиционер. – Всё-таки твоя или не твоя?

– Была моя, – бестолково забормотал Гришка, – а потом стала... не знаю... вроде моя, а будто и не моя...

– Странно, – нахмурился милиционер, – в этом надо ещё разобраться. Но так или иначе, в первую очередь необходимо промыть и перевязать палец. А вас, – тут милиционер повернулся к Толстой Тёте, – я попрошу две минуты последить за этим малышом, который сказал, что его зовут Вова. Я только зайду в эту аптеку и мигом вернусь обратно.

Сказав это, милиционер взял Гришку за здоровую руку,

перешёл на другую сторону улицы и позвонил в слабо освещённую дверь аптеки.

Глава 8. О том, как у Детского Доктора волосы на голове встали дыбом

Окончив приём, Детский Доктор оделся потеплее, обмотал шею толстым полосатым шарфом, натянул на ноги тёплые боты и вышел на улицу.

Был уже поздний вечер.

Снежинки плавали в воздухе, как маленькие рыбки, и целыми стайками кружились вокруг светлых фонарей. Мороз приятно пощипывал за нос.

Детский Доктор шёл, глубоко задумавшись.

Сегодня у него на приёме побывало тридцать пять мальчиков и тридцать девочек. Последним пришёл Миша. У него была тяжёлая и запущенная болезнь: Миша не любил читать книжки. Детский Доктор сделал ему укол, и Миша, схватив первую попавшуюся книгу, моментально погрузился в чтение. Пришлось силой отнять у него книжку и выставить его из кабинета.

«Какая замечательная вещь – современная медицина!» – подумал Детский Доктор и чуть не налетел на невысокого старичка, закутанного в толстый клетчатый шарф.

Это был его старый приятель Заведующий Аптекой.

Детский Доктор сказал:

– Извините! – и поздоровался.

Заведующий Аптекой сказал:

– Пожалуйста! – и тоже поздоровался. Они пошли рядом.

– А я и не знал, Петр Павлович, что вы теперь взрослых лечите! – помолчав, сказал Заведующий Аптекой и покашлял в кулак.

Детский Доктор помолчал, покашлял в ладонь и не спеша ответил:

– Да нет, Павел Петрович, я уж как был Детским Доктором, так, видно, и умру. Я, знаете ли, дорогой мой, сейчас

над одним интереснейшим препаратом работаю. Называться он будет «Антивраль». Прекрасно действует на хвастунов, врунов и отчасти...

Но Заведующий Аптекой вежливо покашлял в кулак и снова перебил его:

– Ко мне в аптеку сегодня от вас мальчик приходил. Брал лекарство для дедушки.

Детский Доктор обиженно кашлянул в ладонь. Он просто терпеть не мог, когда его прерывали.

– Это недоразумение! – сказал он и сердито дёрнул себя за толстый полосатый шарф. – Так вот, что касается «Антивраля», то...

Заведующий Аптекой снова смущённо кашлянул в кулак и сказал скромным, но настойчивым голосом:

– Я даже фамилию этого мальчика запомнил: Иванов.

– Иванов? – переспросил Детский Доктор. – Совершенно верно. Я посылал к вам сегодня Иванова за зелёной пилюлей.

– Да-да! – сказал Заведующий Аптекой. – За зелёной пилюлей для его дедушки.

– Нет-нет, – растерянно сказал Детский Доктор. – За зелёной пилюлей для мальчика.

– Да нет! – сказал Заведующий Аптекой. – Мальчик попросил зелёную пилюлю для дедушки...

И тут Детский Доктор побледнел так сильно, что это было заметно даже в темноте, сквозь густой падающий снег. Его седые волосы встали дыбом и немного приподняли чёрную

каракулевую шапку.

– Несчастный Иванов... – простонал Детский Доктор. – Сначала надо было ему дать «Антивраль»! Но он скрыл от меня, что он не только лентяй, но и врун...

– Вы думаете, что он сам... – повторил Заведующий Аптекой и умолк. Он не мог продолжать.

Так они стояли, бледные от ужаса, держась друг за друга, чтобы не упасть.

– А... на сколько должна омолодить его зелёная пилюля? – наконец спросил Детский Доктор слабым и тихим голосом.

– Это надо спросить у Нины Петровны. Она выдавала Иванову зелёную пилюлю.

Заведующий Аптекой и Детский Доктор бросились бежать по улице, громко шлёпая по белому тротуару своими тёплыми ботами и поддерживая друг друга на поворотах.

Аптека была уже закрыта, но Нина Петровна ещё не ушла. Немного бледная от усталости, она стояла за прилавком и пересчитывала бутылочки с валерьянкой.

– Ах, не волнуйтесь, пожалуйста! – сказала Нина Петровна и улыбнулась. – Всё сделано как полагается. Мальчик сказал, что его дедушке восемьдесят лет. Я дала ему зелёную пилюлю номер восемь. Она омолодит его на двадцать лет.

Голубые глаза Доктора померкли. Они стали как увядшие незабудки. Он облокотился на прилавок. Бутылочки с валерьянкой посыпались на пол.

– Иванову всего десять лет... – простонал Заведующий

Аптекой. – Если его омолодить на двадцать лет...

– Ему будет минус десять лет... – прошептал Детский Доктор и закрыл руками своё бледное лицо. – Подобный случай даже не описан в медицине...

Нина Петровна посмотрела на них огромными глазами, ресницы у неё задрожали, и она тихо села на пол, прямо в большую лужу валерьянки.

– Ах, зачем, зачем вы прописали ему эту зелёную пилюлю? – проговорила она.

– Но у него ещё осталась красная пилюля! – с надеждой в голосе воскликнул Доктор.

В этот момент кто-то громко позвонил в дверь аптеки.

– Аптека уже закрыта! – слабым голосом крикнула Нина Петровна.

Но Заведующий Аптекой тронул её за локоть.

– Надо открыть... Может быть, экстренный случай... Нина Петровна с трудом поднялась с пола и открыла дверь.

На пороге стоял милиционер и держал за руку Гришку.

– Гриша Ананасов! – ахнул Детский Доктор. – Знаменитый хулиган Ананасов собственной персоной! Избиватель малышей и обижатель девчонок. Как раз сегодня я хотел побывать у его родителей. Представьте, я описал Ананасова в тринадцатой главе моей книги. Бесчестная, несправедливая драка. Да, да! Вы только посмотрите на его трусливые, бегающие глаза, на его...

– Простите, товарищ, – вынужден был прервать Детского Доктора милиционер, – мальчика укусила собака.

– Мальчик? Собаку? – воскликнул Детский Доктор. – То

есть собака? Мальчика? Нина Петровна, прошу вас, бинт, вату, йод!

– Йод?! – завопил Гришка, заранее извиваясь всем телом.

Но Детский Доктор с необычайной ловкостью и проворством ухватил Гришку за руку и мгновенно прижёт ему палец йодом.

– Будешь ходить в поликлинику на уколы! – строго сказал Детский Доктор.

– На уколы?! – Гришка стал дёргаться, крутиться и изо всех сил вырываться из рук Детского Доктора.

– Никогда не видел такого извивающегося ребёнка, – недовольно сказал Детский Доктор.

Милиционеру пришлось положить руки Гришке на плечи. Гришка разок трепыхнулся в его руках и затих. Детский Доктор так быстро забинтовал ему рану, что казалось, бинт сам собой крутится вокруг Гришкиного пальца.

– Я сейчас в милицию одного малыша поведу, – сказал милиционер, ещё поддерживая Гришку за плечи. – Как раз около вашей аптеки потерялся. Спрашиваю его: «Как твоя фамилия?» Он отвечает: «Вова...»

– Вова? – повторил Детский Доктор и горящими глазами уставился на милиционера.

– Сам маленький, а пальтишко-то на нём по земле волочится... – продолжал милиционер, не замечая волнения окружающих. – Уронил на снег круглую конфетку и ревёт. А какая-то собака её проглотила и...

Но никто его уже не слышал.

– Это он, он! – закричала Нина Петровна, хватая свою серую шубку и бросаясь к двери.

– Скорее! Собака съела красную пилюлю! – закричал Детский Доктор, заматывая вокруг шеи полосатый шарф.

– Бежим! – закричал Заведующий Аптекой, заматывая вокруг шеи клетчатый шарф.

И все они бросились к двери.

Удивлённый милиционер выбежал вслед за ними.

Улица была пуста. Не было никого: ни Вовы, ни Толстой Тёти, ни Худого Дяди. Только большие и маленькие снежинки кружились под светлым фонарём. Да Гришка, прячась в тени, уныло плёлся к себе домой.

Детский Доктор застонал и схватился за голову.

– Да вы не волнуйтесь, граждане! – сказал милиционер спокойным голосом. – Сейчас мы примем меры и приступим к поискам Вовы. Ребёнок не может исчезнуть!

– В том-то и дело, что он может исчезнуть! Совсем исчезнуть! – хором закричали Нина Петровна, Детский Доктор и Заведующий Аптекой, бросаясь к растерявшемуся милиционеру.

Глава 9. Вова решает отправиться на поиски красной пилюли

Тем временем по тёмной улице шёл Худой Дядя и нёс на руках Вову Иванова, нежно прижимая его к груди. Позади тяжело шагала Толстая Тётя.

– Нет, здесь нужна женская рука, а не милиционерская! – бормотала Толстая Тётя. – Бедный ребёнок! Он не видел в

жизни ни ласки, ни внимания. Достаточно посмотреть, во что он одет...

«Что же мне делать? – тем временем думал Вова. – Как мне теперь раздобыть красную пилюлю?»

Худой Дядя почувствовал, что Вова задрожал всем телом, и ещё крепче прижал его к своей груди.

– Он совсем замёрз, бедняжка! – тихо сказал Худой Дядя.

Наконец они подошли к какому-то новому дому.

Худой Дядя долго топал ногами, чтобы отряхнуть снег, а Толстая Тётя смотрела на его ноги строгими глазами.

Потом они вошли в квартиру, и Худой Дядя бережно опустил Вову на пол.

Посреди новой комнаты стоял большой зеркальный шкаф. Наверно, он ещё не выбрал, какая стена самая лучшая, и поэтому так и стоял посреди комнаты.

Вова уцепился за Худого Дядю, посмотрел на него умоляющими глазами и сказал:

– Дяденька, отнесите меня к Детскому Доктору!..

– Нам попался больной ребёнок! – ахнула Толстая Тётя и с размаху села на новый стул. – Он простудился! Скорее, скорее беги в аптеку и купи всё, что там есть от кашля, чихания, насморка, воспаления лёгких!

– Но аптека уже закрыта! – неуверенно сказал Худой Дядя.

– Постучишь, и тебе откроют! – закричала Толстая Тётя. – Беги скорее! Несчастный ребёнок весь дрожит!

Она посмотрела на Худого Дядю такими глазами, что тот сейчас же выбежал из комнаты.

– Я немедленно положу горячую грелку на живот этого бедного ребёнка! – сама себе сказала Толстая Тётя и вышла из комнаты.

Через минуту она вернулась с грелкой, в которой громко булькала горячая вода.

Но пока её не было в комнате, Вова успел спрятаться за новый шкаф. Толстая Тётя обошла вокруг шкафа, но Вова не стоял на месте, а тоже обошёл вокруг шкафа, и Толстая Тётя его не нашла.

– Неужели этот бедный ребёнок пошёл на кухню? – сама себе сказала Толстая Тётя и вышла из комнаты.

Вова знал, что она не найдёт его на кухне, потому что он в это время уже залез в шкаф.

В шкафу было темно, сыро и холодно, как на улице. Вова скорчился в углу и слушал, как Толстая Тётя бегает вокруг шкафа и топает своими двумя ногами, как полслона.

– Неужели этот больной и непослушный ребёнок вышел на лестницу?! – сама себе закричала Толстая Тётя.

И Вова услышал, как она выбежала в переднюю и с шумом распахнула входную дверь. Тогда Вова осторожно вылез из шкафа и тоже вышел в переднюю. Там никого не было, а дверь на лестницу была открыта.

Вова, поддерживая обеими руками пальто, стал спускаться с лестницы. Он ложился животом на каждую ступеньку и сползал вниз.

Это было очень трудно. Хорошо ещё, что Толстой Тёте и Худому Дяде дали квартиру на первом этаже.

Вова услышал тяжёлые шаги и быстро отполз в тёмный угол.

Мимо него пробежала Толстая Тётя. Она вытирала глаза платком с жёсткими кружевами.

– Бедный мой мальчик, где же ты? – всхлипнула она.

Вове даже стало её жалко. Если бы у него было время, он бы полежал немного с грелкой на животе для её удовольствия.

Но сейчас ему было некогда. Он должен был как можно скорее найти Детского Доктора.

Вова выполз из подъезда. На улице было темно и шёл снег. Вова долго карабкался на сугроб. Наверно, за это время альпинист успел бы забраться на высокую снежную гору.

И вдруг Вова увидел, что мимо него по тротуару бежит целая толпа людей. Впереди всех бежал Худой Дядя и громко, как лошадь, топал ногами. За ним бежал милиционер. За милиционером бежали какой-то дядя и какая-то тётя в серой шубке. А за ними бежал... Детский Доктор.

«Дядя Детский Доктор!» – хотел крикнуть Вова. Но от волнения у него получилось только:

– Дя... Де... До!..

Никто не услышал его тоненького голоса. Все эти люди и Детский Доктор вместе с ними вбежали в подъезд, и дверь за ними тяжело захлопнулась.

Вова горько заплакал, но его плач заглушил какой-то странный шум.

Вова оглянулся и замер от ужаса. Он увидел, что к его сугробу подбирается большая снегоочистительная машина. Громадные металлические руки жадно хватали снег.

– Ох, ночь-то какая холодная! – услышал Вова чей-то голос. – Ветер-то как воет, как будто ребёнок плачет... Отведу сейчас снег за город, высыплю в поле, и всё. Сегодня последний рейс.

Вова попробовал сползти с сугроба, но только провалился весь в своё пальто. Большая ушанка свалилась с его маленькой головы и упала прямо на тротуар.

– Не хочу в поле! – закричал Вова. – Я не снег, я мальчик! Ай!

И вдруг Вова почувствовал, что он сначала куда-то поднимается, затем куда-то падает, затем куда-то едет.

Вова с трудом высунул голову из своего огромного пальто и оглянулся. Он сидел полузасыпанный снегом в кузове большущего грузовика, и тот увозил его всё дальше и дальше. Мимо проплывали большие тёмные дома с уютными разноцветными окнами. Там, наверно, разные мамы кормили ужином своих счастливых детей.

И тут Вова почувствовал, что ему тоже хочется есть. И почему-то больше всего на свете ему захотелось тёплого молока, хотя обычно он его просто ненавидел.

Вова громко закричал, но ветер подхватил его крик и унёс куда-то далеко.

Руки у Вовы окоченели, ботинки и носки свалились с маленьких ног.

Вова поджал свои голые пятки, уткнулся носом в холодную подкладку пальто и тихо заревел от тоски и страха.

А тем временем машина всё ехала и ехала. Светофоров становилось всё меньше и меньше, а промежутки между домами становились всё больше.

Наконец машина выехала за город. Теперь она поехала ещё быстрее. Вова уже боялся высовываться из пальто. Нижняя пуговица расстегнулась, и он только иногда в отчаянии поглядывал в полукруглую дырочку от петли. Но он видел только страшное чёрное небо и серые поля.

А холодный ветер громко кричал «у-у-у!...», завивался кольцами и столбами поднимал снег.

Вдруг машина куда-то резко свернула. Затем её сильно потряхнуло, и она остановилась. Кузов наклонился. Вова почувствовал, что он куда-то сползает, падает. Наконец Вова, весь засыпанный снегом, очутился на земле.

Когда он высунул голову, машина уже уехала.

Вова был совсем один в большом и пустынном поле.

А в поле гудел ветер. Он поднимал холодный снег и кружился над Вовой.

«Мама!» – в отчаянии попробовал крикнуть Вова, но у него получилось только «уа-уа!».

Глава 10. О том, как Вовина мама два часа просидела, закрыв лицо руками

На шоссе было пусто. Только белый снег крутился над чёрным асфальтом. Видно, никому не хотелось выезжать из гаража в такую погоду.

Вдруг на шоссе появилась целая колонна машин. Машины ехали очень быстро. Наверно, они делали больше ста километров в час.

Впереди ехал грузовик. Если бы вы заглянули в кабину, вы бы сразу заметили, что у водителя очень испуганное и удивлённое лицо. А ещё бы вы заметили, что рядом с води-

телем на сиденье лежит Вовина ушанка.

И хотя в кабину залетал острый ледяной ветер, водитель всё время вытирал со лба крупные капли пота.

– Уж которую зиму снег вожу, – бормотал он, – но такого дела и слыхом не слыхал...

Позади грузовика мчалось несколько синих машин с красными полосками. Оттуда доносились человеческие голоса и собачий лай. Даже не заглядывая в эти машины, сразу можно было догадаться, что в них едут милиционеры с собаками.

Последней ехала машина «скорой помощи» с красными крестами на боках. В ней сидела Вовина мама. Она сидела, закрыв лицо руками, и плечи её вздрагивали. Она не говорила ни слова и не отвечала Нине Петровне, которая ласково обнимала её одной рукой и пробовала хоть немного успокоить. В другой руке Нина Петровна держала большой голубой термос.

На соседней скамейке рядышком сидели Детский Доктор и Заведующий Аптекой.

Вдруг самосвал резко затормозил, и шофёр тяжело спрыгнул на снег.

– Это где-то здесь! – сказал он. – Я где-то здесь снег вываливал...

И тотчас же из синих машин стали вылезать милиционеры и выскакивать собаки. В руках у милиционеров были яркие фонарики.

Все собаки по очереди деловито обнюхали Вовину ушан-

ку и побежали в сторону от шоссе, проваливаясь в глубоком снегу. Впереди всех бежал молодой и очень румяный милиционер.

Потом одна собака громко залаяла и что-то схватила зубами. Это был башмак с галошей. Потом залаяла вторая собака. Она тоже нашла башмак с галошей.

Но тут все собаки бросились к одному сугробу и стали быстро разгребать его своими тренированными лапами.

Детский Доктор побежал за ними, не обращая внимания на то, что его тёплые боты уже полны холодного снега.

Он тоже стал помогать собакам и разрывать сугроб свои-

ми старыми руками. И вдруг он увидел небольшой свёрток. Внутри что-то слабо шевелилось и тихо попискивало.

Детский Доктор прижал этот свёрток к груди и бросился к санитарной машине. А там уже Нина Петровна дрожащими руками наливала из голубого термоса в маленькую бутылочку с резиновой соской какое-то розовое молоко.

– Где он? Я его не вижу!.. – прошептала она.

Детский Доктор дрожащими пальцами расстегнул пуговицы на Вовином пальто.

– Вот он! Он застрял в рукаве своей школьной формы! – закричал Заведующий Аптекой.

И тут все увидели крошечного ребёнка.

Нина Петровна ахнула и поспешно поднесла к его губам бутылочку с розовым молоком.

Конечно, ни у одной коровы не бывает розового молока, даже если её кормить одними розовыми розами без шипов. Просто Нина Петровна растворила красную пилюлю в горячем молоке и получилось розовое молоко.

Доктор робко потянул Нину Петровну за рукав.

– Может быть, хватит... Может быть, остальное через полчаса?

Но Нина Петровна только посмотрела на него уничтожающим взглядом.

– Дайте хоть накормить бедняжку! – сказала она.

Наконец Вова допил всю бутылочку.

Щёки у него разругались, и он сладко уснул, крепко сжимая свои кулачки.

– Уф! – с облегчением сказал Детский Доктор. – Нина Петровна, разрешите мне присесть рядом с вами. От вас так сильно пахнет валерьянкой. Это меня успокаивает.

– Ах, доктор, доктор! – сказала Нина Петровна. – Как хорошо, что всё кончилось хорошо. А как было бы плохо, если бы всё кончилось плохо! Сколько беспокойства доставила нам ваша противная зелёная пилюля!

Детский Доктор даже подпрыгнул от возмущения.

– Уважаемая Нина Петровна! – дрожащим от обиды голосом проговорил он. – Уж от вас я этого не ожидал. Зелёная пилюля! Изумительный препарат, над которым я работал столько лет!

– Изумительный препарат? – недоверчиво переспросила Нина Петровна.

– Конечно! – убеждённо воскликнул Детский Доктор. – Я даю лентяю зелёную пилюлю номер один. Она уменьшает его на пять-шесть лет...

– Так. Ну и что? – пожала плечами Нина Петровна.

– Я тоже представляю себе действие зелёной пилюли весьма приблизительно, – с интересом повернулся к Детскому Доктору Заведующий Аптекой.

– Пилюля только уменьшает, больше ничего, – заметно

волнуясь, стал объяснять Детский Доктор. – Но этого достаточно. Остальное делает жизнь. Понимаете, сама жизнь. Теперь ребёнок, даже если он захочет, уже не может дочитать интересную книгу. Не знает, как починить велосипед. Как завинтить гайку. Он больше не может лазить по заборам, если надо защитить малыша. А вместе с тем...

– ...а вместе с тем он помнит, как ещё совсем недавно всё это было ему легко и доступно, – задумчиво кивая, проговорил Заведующий Аптекой.

– В том-то и дело! – обрадованно подхватил Детский Доктор. – Вы правильно поняли. Главное, что теперь он сам понимает: как грустно, как неинтересно жить на свете, когда ты ничего не знаешь и не умеешь. Ему смертельно надоедает безделье. И тут он принимает красную пилюлю. Но Иванов...

И тут все они посмотрели на Вову.

А Вова рос прямо на глазах. Голова у него увеличивалась, ноги удлинялись. Наконец из-под пальто показались две уже довольно большие пятки.

В это время в машину заглянул молодой милиционер.

– Ну как дела? – шёпотом спросил он, указывая глазами на Вову.

– Растёт! – ответили Детский Доктор и Заведующий Аптекой.

Нина Петровна подошла к Вовиной маме, обняла её и попробовала оторвать её руки от лица.

– Но посмотрите же, посмотрите, как чудесно увеличивается ваш сын! – настойчиво твердила она.

Но мама продолжала сидеть отвернувшись. У неё просто не было сил посмотреть на Вову, которому она ещё утром гладила длинные брюки.

Но Вова вдруг сладко зевнул и потянулся.

– Мама! – сказал он своим обычным голосом.

– Тише, тише, Иванов! – сказал Детский Доктор, наклоняясь над ним. – Тебе вредно много разговаривать!

Но Вова приподнялся на локте и стал оглядываться, вытаращив глаза от изумления.

Вовина мама наконец открыла своё лицо, посмотрела на Вову и улыбнулась дрожащими губами. Вова прижался к ней крепко-крепко и зашептал что-то ей на ухо совсем тихо.

Детский Доктор и Заведующий Аптекой слышали только отдельные слова.

– Вот увидишь... Теперь навсегда... Настоящим лётчиком...

И хотя больше они ничего не смогли расслышать, они всё равно обо всём догадались.

Они, улыбаясь, переглянулись, а очень довольный Заведующий Аптекой даже подмигнул Детскому Доктору.

– Вот видите, видите, всё-таки она подействовала, эта зелёная пилюля... – негромко, задумчиво проговорил Детский Доктор.

Вовина мама ещё крепче обняла Вову и заплакала. Вы

знаете, это бывает со взрослыми, что они плачут от радости.

Оставь окно открытым

Глава 1. Чудеса начинаются

Была сырая ветреная ночь.

Милиционер Петров Василий Семёнович стоял на посту.

Тяжёлые тучи ползли по небу. Наверно, им было скучно плыть над тихим, крепко спящим городом, и, чтобы хоть немного развлечься, каждая из них превратилась в какого-то

невиданного зверя. Они по очереди наползали на луну.

«Вот сейчас луну проглотил лев, – рассматривал их Василий Семёнович, – нет, пожалуй, это не лев. Скорее крокодил, а его три ноги больше всего напоминают толстые ножки рояля...»

Все дома стояли тёмные, притихшие. Только на верхнем этаже самого высокого дома голубым светом горело одно окно. Оно всегда не гасло дольше других. Как будто боялось, что Василию Семёновичу будет тоскливо одному на тёмной улице. Но вот и оно погасло.

Улицу не спеша перешёл серый кот. Он шёл, мягко извиваясь своим длинным тощим телом.

Милиционер Петров отлично знал этого кота. Да и кто же его не знал? Ещё бы! Ведь этот кот был первый плут и воришка во всём районе.

Звали его – Кот Ангорский, хотя на самом деле это был совершенно обыкновенный, подзаборный, ничуть не пушистый кот.

Имя Кот Ангорский придумал его хозяин. Дело в том, что его хозяин...

Но нет, нет, нет! Не будем торопиться! Пока о его хозяине ни слова. Мы ещё успеем с ним хорошенько познакомиться. Мы ещё успеем встретиться с ним не один раз. А пока...

Кот Ангорский спокойно и равнодушно посмотрел на Василия Семёновича плоскими, ярко блеснувшими серебряными глазами.

В зубах он держал сосиску в целлофане. Ещё двенадцать точно таких же сосисок, одна за другой, волочились за ним по земле, словно небольшой поезд из двенадцати вагончиков.

Луна на минуту выглянула из живота диковинной рыбы с длинными ушами.

Кот Ангорский мягко перешагнул через трамвайные рельсы – сосиски, поблёскивая целлофаном, запрыгали вслед за ним.

Кот свернул в чёрную подворотню и исчез.

– Ах, беспорядок... – поморщился Василий Семёнович. – Ясное дело, стянул он у кого-нибудь эти сосиски, не иначе. Утром люди проснутся: где сосиски? А ведь тут завтрак на целую семью...

Василий Семёнович, продолжая огорчённо хмуриться, достал из пачки папиросу и сунул её в рот. Он рассеянно похлопал себя по карманам, но спичек в карманах не нащупал.

Василий Семёнович оглянулся. Ни одного прохожего не было видно на улице. Ни в одном окне не горел свет.

– Где же, однако, раздобыть спички? – оглядываясь, пробормотал Василий Семёнович.

И вдруг...

Да, мой читатель, именно «вдруг». Потому что удивительное начинается всегда неожиданно. Без всякого предупреждения, без звонка по телефону... Вдруг – оно началось!

Вдруг...

...Произошло нечто невероятное: Василий Семёнович увидел алый огонёк на кончике своей папиросы.

Папироса раскурилась сама собой. Кверху поднимался голубоватый дым завитушками.

Василий Семёнович от неожиданности чуть не выронил папиросу.

Но тут он удивился ещё больше. На красном тлеющем кончике папиросы сидел маленький человечек.

Он был весь словно выгнут из тонкой золотой проволоки. Его прямые волосы торчали в разные стороны, как иглы ежа, а большие уши сильно оттопыривались.

На человечке были узкие джинсы и смешная куцая курточка на молнии.

Он сидел совершенно спокойно. Запрокинув голову и опершись позади себя руками о папиросу, он глядел на луну.

При этом он рассеянно покачивал одной ногой в разношенном башмаке. Башмак, пожалуй, был даже слишком велик, того гляди свалится. Вторая нога была босая. Василий Семёнович отлично разглядел круглую пятку и пять маленьких пальчиков.

Да, не будем скрывать, Василий Семёнович удивился. Мало этого, он даже растерялся.

Но больше всего Василия Семёновича поразило выражение лица маленького человечка.

Человечек глядел на луну печальным, унылым взглядом. Именно унылым, даже каким-то безнадежным. Он зябко передёрнул плечами.

Потом человечек зашевелил губами, что-то забормотал негромко, словно про себя. Но Василий Семёнович всё-таки расслышал.

– Честное слово... Честное рыжее... Я знаю точно-навверняка-непременно-без всякого сомнения: Солнышко опять встанет. Никуда оно не денется. Кто не верит... ну и пусть... ему же хуже... А я – верю! И всё-таки как грустно жить ночью...

Василий Семёнович, конечно, ничего не понял. «Я не сплю, – подумал он. – Потому что заснуть на посту я не мог ни при каких обстоятельствах. Это исключено. Но в таком случае кто это? Или что это? Если это „кто-то“, то кто это? А если это „что-то“, то что это? Непонятно!» В конце концов Василию Семёновичу показалось, что вся его голова набита одними вопросительными знаками.

Вдруг человечек с озабоченным видом повернулся к Василию Семёновичу.

– Я уверен, вы знаете. Ну конечно вы знаете, вы просто обязаны знать: у кого в этом городе больше всего веснушек?

Думаю, никому не известно, какие именно вопросы задают маленькие человечки, сидящие на кончике папиросы.

Но этот вопрос, скажем прямо, застал Василия Семёновича врасплох.

– Ну, веснушек, – чуть нетерпеливо повторил человек. Он брезгливо отмахнулся от струйки дыма и постучал пальцем по своему носу и щекам: – Таких чудесных, очаровательных рыжих веснушек.

Василий Семёнович откашлялся.

– Я вас понял, – хрипловато ответил он. – Веснушек. Копушек, да?

И Василий Семёнович тоже постучал пальцем по своему носу и щекам.

На луну, как наволочка на подушку, натянулось такое тёмное облако, что она совсем исчезла.

Что такое? Это было уже и вовсе странно, непонятно и необъяснимо.

Маленький человек в темноте светился.

Конечно, не очень ярко. Ну не так, как стосвечовая электрическая лампочка. Я не ошибусь, если скажу, что он светился, как маленький карманный фонарик.

«Я должен сейчас же понять, что это такое, – страдальчески морщась, подумал Василий Семёнович, – иначе... Но что же иначе?.. Нет, скорее всего, это просто игрушка. Конечно, это игрушка. Что я, собственно, разволновался? Великолепная, разговаривающая игрушка на транзисторах...»

У Василия Семёновича как-то сразу отлегло от сердца.

– Больше всего веснушек у Зины-первоклашки, – уже го-

раздо спокойней сказал он.

– У Зины-первоклашки? – заинтересовался человек.

– Впрочем, нет, – спохватился Василий Семёнович, – пожалуй, у Кати с Большой Почтовой.

– Знаете, иногда одна веснушка может решить всё дело, – доверчиво и серьёзно сказал маленький человек. – Так вы говорите, у Кати с Большой Почтовой?.. Ох, спина затекла. Даже мурашки бегают...

Человек, кряхтя, встал на ноги, выпрямился, охнул и потёр поясницу.

Василия Семёновича вновь охватили сомнения.

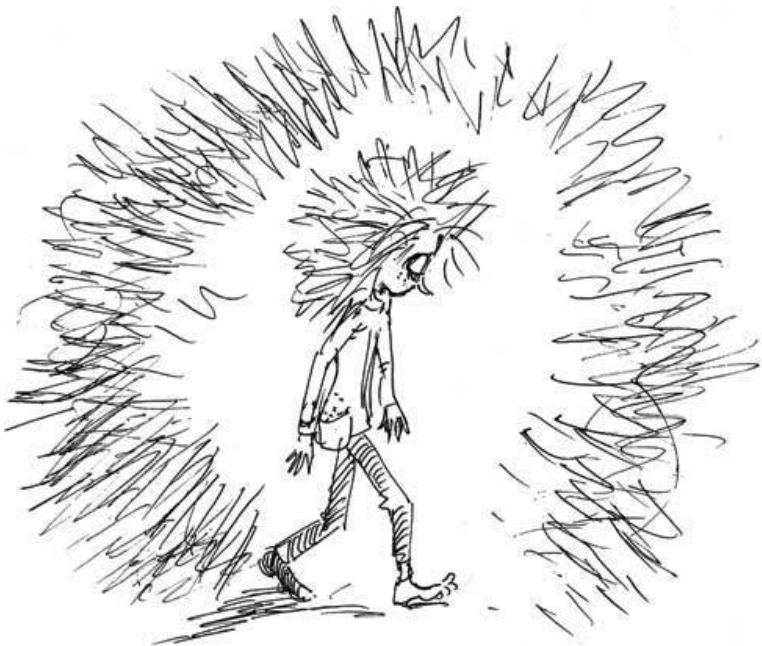
«Могут ли у игрушки бегать по спине мурашки? – подумал он. – Ну конечно не могут...»

– Что-то по ночам спину ломит, – пожаловался человек. – Всё с тех пор, как я целый день зимой просидел на льду. Там подо льдом плавала одна моя знакомая рыба. Такая славная рыбёшка. Ну, мне надо было сказать ей пару слов по секрету. Знаете, если хотите кому-нибудь рассказать секрет, не найдёте никого лучше рыбы. Никому не разболтает.

«Ох, могут ли быть у игрушки секреты? – опять с тоской подумал Василий Семёнович. – Ну конечно не могут...»

Человек быстро пробежал по папиресе, перескочил на руку Василия Семёновича. Топ-топ-топ! Василий Семёнович чувствовал каждый его шаг на своей руке.

Человек прыгнул к нему на рукав. Добежал до локтя, запрокинул голову. Посмотрел на Василия Семёновича.

– Конечно, о чём речь? Я прожёл льдину насквозь. Но с тех пор что-то спину ломит. Особенно по ночам... Вообще не люблю, когда ночь... Зачем, зачем она, эта ночь?..

Лицо у человечка стало совсем печальным. Он соскочил вниз и пошёл по улице, понурившись, глядя себе под ноги.

Он шёл и слабо светился, словно фонарик позади машины. При этом он чуть прихрамывал. Ведь одна его нога была обута в башмачок, другая босая.

Ещё Василий Семёнович разглядел, что карманы его куртки были чем-то туго набиты. Они так сильно оттопырились, что он задевал их руками, когда шёл.

Человечек казался таким беззащитным, что Василию Семёновичу даже стало страшно за него. Ведь любой прохожий мог нечаянно наступить на него, раздавить подошвой.

Человечек дошёл до угла, обернулся, дружелюбно поднял кверху светящуюся ладонку и скрылся.

Василий Семёнович остался один посреди тёмной улицы. Высокие дома пристально смотрели на него чёрными окнами.

«Что же это? – уже в который раз задал себе всё тот же вопрос Василий Семёнович. – Теперь я так и буду мучиться, пока не разберусь до конца во всей этой невероятной истории. Знаю я свой несчастный характер. Не будет мне теперь покоя, пока не пойму: кто же это всё-таки сидел на кончике моей папиросы?»

Глава 2. Чудеса... в тарелке с манной кашей

– Никогда больше не пойду во двор! – Катя топнула ногой. – Хочешь, я сейчас дам честное слово, что никогда не пойду во двор? Ну хочешь, хочешь?

– Нет, нет, не хочу, – поспешно сказала мама. – И вообще, давать честное слово по пустякам, куда это годится?

– Да, тебе с папой всё пустяки, – с горьким укором сказала Катя. – Я вот недавно палец порезала прямо до кости, а папа говорит «пустяки».

– Может быть, не до кости?.. – осторожно заметила мама.

– Не видела, а говоришь. – Губы у Кати задрожали, на глаза набежали слёзы.

– Опять Васька дразнился? – догадалась мама.

– «Рыжая, конопатая, нос лопатою», – проворчала Катя, угрюмо отвернувшись.

– Вот я поговорю с его бабушкой!

– Ты что? – Катя резко повернулась к маме. – Хочешь, чтобы меня дразнили: «Ябеда, корябеда, турецкий барабан. Кто на нём играет? Катька-таракан»? Или: «Ябеда-доносчица, курица-извозчица»? Этого хочешь, да?

– Ну тогда сами разбирайтесь. Что я могу?.. – беспомощно развела руками мама.

Но тут мама посмотрела на часы и стала уже другой мамой. Это была мама, опаздывающая на работу.

На маму как-то сам собой наделся строгий синий костюм, прыгнула в руки сумочка.

Мама поставила перед Катей тарелку с манной кашей, где круглым жёлтым глазком плавал кусок подтаявшего масла.

– Съешь кашу – и гулять, гулять, – распорядилась мама. Наскоро поцеловала Катю в ухо. Дверь за ней резко захлопнулась.

– Вот дам честное слово, что не пойду гулять, тогда всё,

права не имеете... – проворчала Катя.

Катя подпёрла щёки кулаками и задумалась. Ей было о чём подумать. Дело в том, что под самое утро ей приснился удивительный сон. Она даже засомневалась, может это и не сон вовсе. Но оказалось, всё-таки сон. Что-то тёплое приятно щекотало ей то нос, то щёку, то лоб. При этом чей-то тоненький голосок восхищённо приговаривал: «Девятьсот девяносто восемь... Какая кругленькая... девятьсот девяносто девять... А эта, нет, вы только посмотрите, до чего золотая... Тысяча... Тысяча и ещё одна... А вот в эту я просто влюбился!...»

Катя лежала зажмурившись. Открывать глаза не стоило. Известное дело: проснёшься, и всё.

А голосок, не уставая, всё считал и считал: тысяча двести пять, тысяча двести шесть...

«О-о! – послышался восторженный стон. – Эта на звёздочку похожа! Ну просто редкость! В музей надо такую. В музей для веснушек».

Тут Катя, как ни крепилась, всё же не выдержала, повернула голову и открыла глаза. И конечно, всё испортила. Голосок тут же смолк. Сон кончился. «Как бы сделать, чтобы ещё такой сон приснился?» – подумала Катя.

– Тону! Спасите! Помогите! – вдруг кто-то отчаянно закричал совсем близко, совсем рядом с Катей.

Катя вскочила, испуганно огляделась.

– Тону! Засасывает! Тащи меня из этого болота! – опять

раздался тот же голос. Голос был тонкий, пронзительный и почему-то знакомый.

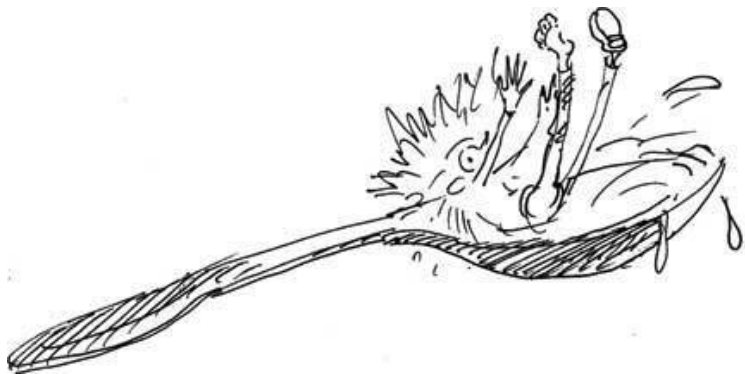
Катя быстро посмотрела во все стороны, заглянула под стол, задрала голову кверху. Нет, потолок и люстра, конечно, и не думали тонуть.

– Да тут я! Здесь! – надрывался голосишко. – Куда ты смотришь? Ниже, ещё ниже. Глупая девчонка! Смотри на стол! Смотри в тарелку! В кашу гляди!

И тут Катя увидела, что из манной каши торчит маленькая круглая головка и две тонкие руки с отчаянно растопыренными пальцами. Катя от изумления застыла на месте. Крепко зажмурилась, снова открыла глаза. Нет, человечек не исчез.

– Подцепи меня ложкой! – Человечек сердито захлопал руками по манной каше. – Ну что ты стоишь? Не знаешь, что такое ложка?

У Кати в голове был какой-то туман. Но она послушно схватила ложку, поддела ею маленького человечка. Человечек, весь облепленный манной кашей, словно муха, попавшая в банку с вареньем, с трудом переполз к Кате на руку. Стал отряхиваться, счищать с себя кашу.

– Я сидел на тарелке, а краешек был в масле. Я поскользнулся и – вжик!.. – недовольным голосом объяснил человечек. – Вот уж действительно глупая глупость!

Он завёл руку за спину, досадливо сморщил лицо, стараясь соскрести кашу со спины. Катя заколебалась: может, помочь ему? А вдруг ещё обидится?

– Ну что, довольна? – сердито проворчал человечек. – Я тону, а она, видите ли, по сторонам глазаёт. Не хватает только, чтобы ты начала себя щипать!..

Человечек косо, подозрительно поглядел на неё. Катя моргнула.

– Терпеть не могу, когда люди, познакомившись со мной, начинают себя щипать. – Человечек язвительно скривил губы. – Мол, мне всё это только снится. Сейчас ущипну себя побольней и проснусь. Может, и ты думаешь: «А вдруг мне

это только снится?»

– Да, – еле слышно выдохнула Катя.

– Вот-вот!.. – с глубокой обидой кивнул человечек. – Так и давай считать: я тебе только снюсь.

Катя в растерянности промолчала, не зная, что сказать.

– Конечно, меня нет, – пробормотал человечек, низко опустив голову. – Не было и нет. И, скорее всего, никогда не будет. Очень приятно это выяснить наконец-то.

– Нет, ты, наверно, есть, – прошептала Катя.

– Наверно! – так и подскочил человечек. С горьким упрёком посмотрел на неё. – Ах наверно?.. Если хочешь знать, это ещё обиднее. Не то я есть, не то меня нет!

– Да нет, ты есть! – смущённо сказала Катя.

– Нет уж: теперь поздно. – У человечка задрожал голос. – Всё ясно. Меня нет. Что уж тут... И не утешай...

– Но я же тебя вижу. И потом, ты – тёплый! – с мольбой воскликнула Катя. – Честное слово – ты есть!

– Тогда зачем же весь этот шум и скандал? – вдруг повеселел человечек.

Он засмеялся, привстал на цыпочки, потянулся.

– Эй, рыжая, конопатая! Чего там задано по математике? – послышался со двора гнусавый Васькин голос.

Это просто удивительно, каким противным голосом умел кричать Васька. Он нарочно зажимал нос двумя пальцами, чтобы получилось ещё противней. Нет, недаром Катя всегда считала, что жить на первом этаже – мучение. Конечно, не

всем людям, а только рыжим. Особенно если у них ещё и веснушки... По справедливости им должны давать квартиры на самом верхнем этаже самого высокого дома. Чтоб никакой Васька не докричался.

И почему это он всегда только у неё узнаёт уроки? Никогда не спросит у Нинки-блондинки или ещё у кого-нибудь из девчонок. Только у неё.

– Эй, рыжая в крапинку, пойдй умойся! Дай уроки, не жадничай! – надрывался во дворе Васька.

– Если я не ошибаюсь, он сказал «рыжая в крапинку»?.. – сощурившись, протянул человек, приставив к уху ладошку, чтобы лучше слышать. – Кто это?

– Да так, один мальчишка с нашего двора, – неохотно призналась Катя.

– Скорее-быстрее-сейчас же-немедленно покажи мне этого мальчишку! – воскликнул человек. Он сердито и обиженно посмотрел на Катю.

Его маленькие ножки стали очень горячими. Они так и жгли Кате ладонь. Особенно левая, босая, без башмака. Катя скривилась, но, не охнув, стерпела боль.

– Во двор! – скомандовал человек.

Глава 3. Пожар в кармане

Катя вышла из тёмного подъезда на солнце, зажмурилась. Человечек доверчиво пристроился на её плече. Сидел,

держась рукой за край воротника. Слабо грел кожу сквозь платье.

– Солнышко... – вдруг тихо и мечтательно сказал человек.

«Живой, а такой маленький, – подумала Катя. – Я и не знала, что такие человечки бывают на свете. Мама мне никогда не говорила, и в школе мы ещё такого не проходили. Наверно, на будущий год проходить будем. А какой славный. Ох, до чего ж здорово, что я уже все уроки выучила!..» И правда, когда такое случилось, кому это захочется решать задачи или списывать упражнения? К счастью, Васьки нигде не было видно. Катя, стараясь держать спину прямо, осторожно присела на лавочку.

– Когда такое Солнышко, и настроение, между прочим, совсем другое. Правда? – доверчиво сказал человек. И, не дожидаясь Катиного ответа, словно уверенный, что она обязательно скажет «да», весело затараторил: – Был я у Зинки-первоклашки, был. У неё тоже мировые веснушки. Так что ты не очень-то... Не одной тебе повезло.

Катя даже вздрогнула от удивления.

– Значит, прыгнул я в форточку, – продолжал человек. – Понимаешь, терпеть не могу проходить сквозь стекло. Вот уж глупая глупость эти стёкла. Зачем их только вставляют? Лезешь сквозь него, лезешь, даже жарко станет. Но тут форточка была открыта. Удачно получилось. Пока Зинка-первоклашка спала, я все её веснушки пересчитал. Правда, сперва

она спала, уткнувшись носом в подушку. Но всё равно у тебя на три веснушки больше. – Человечек вдруг застенчиво улыбнулся. Тёплый, прижался к Катиной шее, сказал совсем тихо: – Знаешь что? Хочешь, зови меня просто Веснушка. И ещё... – Веснушка посмотрел ей прямо в глаза. – Пусть твоё окно всегда будет открытым. Чтоб я всегда мог войти. Ладно?

Катя кивнула.

Мимо Кати прошёл большой тощий пёс со впалыми боками.

У него была удивительно грустная морда. Огорчённые уши. И шерсть печального цвета. Да, да! Не серая, не рыжая, а именно печальная.

Проходя мимо Кати, он посмотрел на неё печальными, любящими глазами, вздохнул.

– Привет, Пудель! – тихонько окликнула его Катя.

– Тоже мне, пудель, – фыркнул Веснушка. – Никогда не видел собаки менее пудельной, чем эта. Это же самая раздворяжная дворняга, какую я только когда-либо видел.

– Не пудель, – согласилась Катя. – Только его хозяин стесняется, что он просто дворняга. Вот он и дал ему имя попопородистой: Пудель. Знаешь, какой он противный!

– Кто, Пудель?

– Да нет, его хозяин.

– Сам виноват твой Пудель. – Веснушка осуждающе покачал головой. – О-хо-хо! Надо было глядеть, кого выбирать.

Катя вытаращила глаза.

– Как это глядеть? Ведь это хозяин выбирает себе собаку, а не собака хозяина.

– Ну и глупо, – пожал плечами Веснушка. – И считаю, вне всякого сомнения, собака сама должна выбрать себе хозяина. Солидной надо себя держать, солидной. Прийти, посмотреть не торопясь, всё как следует не спеша обдумать. Не хватать кого попало, первого встречного. Если не понравится, так прямо и сказать: «Извините, вы и ваша конура не совсем в моём вкусе». А если понравится, не суетиться, не кидаться на шею. Согласиться вежливо. Главное, с достоинством. Например, сказать: «Ну что ж. Не возражаю. Беру вас в хозяева». Или: «Я согласен. Вы мне милы». Это было бы гораздо лучше.

«Правда, лучше, – подумала Катя. Тихонько вздохнула. – Вот не знаю, но почему-то мне кажется: Пудель выбрал бы в хозяйки меня».

Рядом с Катей на лавку уселся воробей. Вид боевой, пёрышки на шее торчком, хвост выщипан в драках.

Увидев Веснушку, от восторга разинул клюв, замахал крыльями, будто собираясь упасть в обморок. Ничуть не боясь, начал всё боком-боком подбираться ближе.

Веснушка спокойно кивнул воробью, как старому знакомому.

Воробей затанцевал на скамейке, захлёбываясь от восторга, зачирикал.

– Ничего, спасибо, так, понемножку, – чинно ответил Веснушка.

Воробей опять что-то радостно и пронзительно чирикнул, но вдруг, словно поперхнувшись, смолк, взлетел кверху и повис над Катей, треща короткими крылышками.

В эту минуту откуда-то сзади через спинку скамейки про-

тянулась длинная рука.

Рука – цоп! Схватила Веснушку.

Это был, конечно, Васька. Конечно он! Кто же ещё? Наверно, он только для того и родился, чтобы отравлять Кате жизнь.

– Заводной человек! – завопил Васька.

Он сунул Веснушку в карман, рывком перелетел через клумбу и понёсся к воротам.

– Отдай! – отчаянно закричала Катя и бросилась за ним вдогонку.

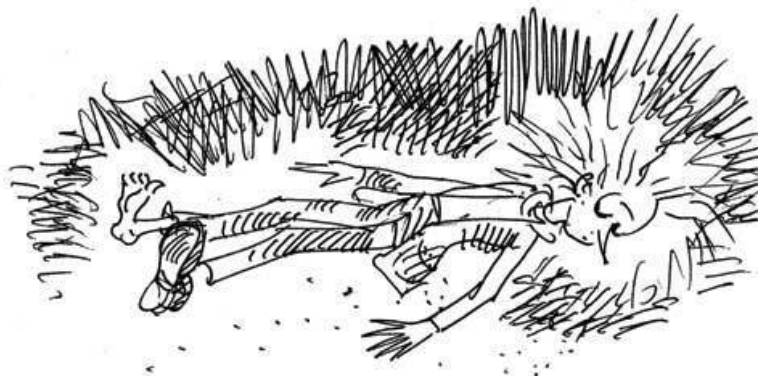
Но она сразу поняла, что ей не догнать Ваську. Ещё бы. У него и ноги были совсем особенные, тренированные. Если ты всех мучаешь, дразнишь, изводишь, то и бегать надо уметь быстрее всех на свете. Расстояние между ними всё увеличивалось.

– Рыжая, конопатая, нос лопа-а-а!..

Васька вдруг с разбегу остановился, расставив ноги, с ужасом глядя на карман своей куртки, куда он сунул Веснушку. Из его кармана, разрастаясь, клубами валил густой чёрно-бу-рый дым. Да, это был настоящий пожар в кармане! Можно было подумать, что в кармане его куртки развели небольшой костёр. Васька закрутился на месте, метнулся в сторону – но попробуй-ка убеги от собственного кармана!

– Спасите меня! Тушите меня! – заорал Васька, кашляя от дыма и бестолково махая руками. Катя подбежала поближе. Ой! Она чуть не наступила на Веснушку. Веснушка ле-

жал на тротуаре, закрыв глаза, безжизненно раскинув руки в стороны.

– Убился!.. – в отчаянии вскрикнула Катя.

– Не совсем... – томным, умирающим голосом проговорил Веснушка и почесал одну ногу о другую. Катя быстро подняла Веснушку, подышала на него, подула. Прижала к себе. Но Веснушка стал такой горячий, что ей пришлось перекидывать его с ладони на ладонь, как только что выпеченный пирожок. Тем временем Васька со всех ног, оставляя за собой волнистый хвост дыма, мчался на другой конец двора.

Там дворник дядя Семён с задумчивым видом поливал голую клумбу, на которой торчали только рыжие пучки прошлогодней травы.

Послышался изумлённый и негодующий голос дяди Се-

мёна – Васька с разбегу влетел в падающую струю воды.

– Ловко я? – Веснушка от удовольствия рассмеялся. Уселся на Катиной ладони, поёрзал, устраиваясь поудобнее.

– А я так испугалась... – призналась Катя.

– Чего пугаться? Всё просто, как Солнышко! – Веснушка снисходительно посмотрел на неё. – Этот мальчишка сунул меня в карман. Представляешь? Кого? Меня! Куда? В карман! А карман – это как раз такое место, где никогда не бывает Солнышка. Нет, правда, видала ли ты когда-нибудь карман, где светит Солнышко? Не знаю, может быть, ты скажешь, что видала? – Веснушка подозрительно посмотрел на Катю.

– Нет, нет, что ты, я не видала, – поспешно сказала Катя.

– И я не видал, – кивнул Веснушка. – К тому же я попал в какую-то совершенно неподходящую, можно даже сказать, сомнительную компанию. Какие-то липкие бумажки от конфет, ржавые гайки, сломанная зажигалка, гнутый гвоздь. Может, для тебя это и подходящая компания, но для меня – уж извините! Не можешь себе представить, как я разозлился. О чём речь? Я скорее-быстрее-сейчас же-немедленно подпалил бумажки, прожёл карман – и вот я на свободе! – Веснушка доверчиво похлопал рукой по Катиной ладони. – Знаешь, я так и знал, что сразу начнутся весёлые приключения! Поэтому я и разыскал тебя. Только я боялся, что ты гордая.

– Я?! – удивилась Катя.

– Ну да. Конечно. Ведь тебе все завидуют.

– Мне?! – Катя удивилась ещё больше. Она даже невольно оглядела своё платье, голые поцарапанные колени, сандалии: ну чему тут можно завидовать?

– Ещё бы, – убеждённо сказал Веснушка. – Я так рад, что ты не зазнайка и не задираешь нос. Другая бы на твоём месте с такими-то... Ой! Так и есть!

Веснушка вскочил на ноги, начал испуганно быстро-быстро ощупывать свои карманы.

И, словно убедившись в чём-то, всплеснул руками, с отчаянием посмотрел на Катю, закусил губу.

– Что, что случилось? – испугалась Катя.

– Половина просыпалась... – сказал Веснушка убитым голосом.

– Половина... чего?

– Вот глупая! – с раздражением воскликнул маленький человечек. – Чего-чего... Половина веснушек! У меня карманы были набиты чудесными веснушками. Да не какой-нибудь мелочью, ерундой, которых и не разглядишь вовсе. А крупными, отборными веснушками, одна к одной. Да вон они!

И правда, на том месте, где лежал Веснушка, вывалившись из Васькиного кармана, весь асфальт блестел золотыми крапинками. Будто шёл маляр, нёс ведро с золотой краской, тряхнул кистью и обрызгал асфальт сверкающими каплями.

– Я сейчас соберу их, – неуверенно сказала Катя. Веснушка было нахмурился, но вдруг улыбнулся.

– Нет уж, не соберёшь. – Он сказал это даже с какой-то гордостью. – Зимой, ничего не поделаешь, поблѣкнут немного. А как весна наступит, Солнышко пригреет – так сама увидишь, как заблестят. Веснушки – это уж навсегда!

Глава 4. Веснушки на асфальте

Первым увидел рассыпанные веснушки пёс Пудель. Он как-то неумело, неуверенно завилял хвостом, его огорчённые уши дрогнули. С неммым восхищением он обнюхал веснушки и даже почтительно лизнул асфальт.

– Какая прелесть! Веснушки на асфальте! – воскликнул скрипач дядя Федя.

Он резко остановился и, чтобы не наступить на веснушки, вытянулся на цыпочках и взмахнул руками. У дяди Фе-ди были добрые серые глаза и такие толстые губы, что даже немного мешали ему разговаривать.

– Это необыкновенно и очень красиво, – негромко сказал дядя Федя.

– А, ладно, ничего, что просыпались... – беспечно махнул рукой Веснушка. – Правда красиво. Насколько я знаю, больше нигде нет асфальта с веснушками. Даже если обойти весь мир два с половиной раза, всё равно такого не найдёшь. Не знаю, может, ты и видела где-нибудь веснушки на асфальте, а я нет!

Веснушка, прищурившись, посмотрел на Катю.

– Нет, что ты, – покачала головой Катя.

«На асфальте это и вправду красиво, – подумала она, – а вот если на носу...»

Дядя Федя всё ещё стоял, глядя на золотые крапинки на асфальте.

– Хм! Этот человек мне решительно нравится. – Веснушка с важным видом скрестил на груди руки. – Что-то в нём есть такое-этакое... ну, в общем, рыжее. А в веснушках он разбирается просто здорово. Ты, случайно, не знаешь, может, он кончил институт по веснушкам?

– Нет, дядя Федя скрипач, – объяснила Катя, – он на скрипке играет.

– На скрипке? – оживился Веснушка. – О!.. Знаешь, у

скрипки звуки такие тонкие-тонкие и всё время чуть-чуть дрожат. По ним можно скользить, хочешь – вверх, а хочешь – вниз. Или ухватиться покрепче обеими руками, зажмуриться – и лети себе вместе с музыкой далеко-далеко. Вот однажды...

Веснушка вдруг умолк. Его ноги обожгли Кате ладонь. Они стали раскалёнными, ну просто как два уголька.

– Нет, конечно-безусловно-наверняка, мне это только кажется, мерещится или что-то в этом роде... – быстро забормотал Веснушка. – Потому что этого просто не может быть. Но всё-таки, что он делает?

Невысокий старичок, кряхтя от усердия, затирает толстой подошвой веснушки на асфальте. У него было такое кислое, сморщенное лицо, как будто он держал за щекой кружочек лимона. Серый косматый шарф, похожий на длинный-предлинный волчий хвост, свисал до земли и мешал ему. Он со злобой несколько раз обмотал его вокруг шеи и снова принялся старательно шаркать ногами.

– Это Взялииобидели, хозяин Пуделя. Тот самый... – прошептала Катя.

Дядя Федя бросился к старикашке, за рукав осторожно оттащил его в сторонку. Взялииобидели тут же придирчиво оглядел рукав: не порвал ли его дядя Федя, не смял ли, не испачкал?

Дядя Федя быстро заговорил, от волнения размахивая длинными нескладными руками:

– Мой старый учитель... Он в нашем городе только проездом. Один вечер... Я должен, я непременно должен сыграть ему мою сонату...

Взялииобидели молча поднял глаза и долгим укоризненным взглядом оглядел дядю Федю.

– Значит, так, – сказал он тихим проникновенным голосом. – И не стыдно вам? И не совестно?

Дядя Федя с испугом отшатнулся от него.

– И ведь сколько лет учились, – голос Взялииобидели задрожал, – консерваторию кончили. И всё для того, чтоб обидеть меня, старика.

– Чем я вас обидел? – пробормотал дядя Федя.

– Ещё спрашиваете? – Взятииобидели с возмущением дёрнул себя за шарф. – Нарочно на скрипке играете. Нашли бы себе занятие тихое, приличное: коробочки бы клеили, кофточки вязали. А то нарочно на скрипке...

– Но музыка... – Дядя Федя в волнении протянул к нему свои длинные руки.

– Обидели!.. – вдруг завизжал старикашка и быстро-быстро засеменял к дому. – Взятии и обидели! Я человек уважаемый!..

Он, несомненно, хотел сказать «уважаемый», но косматый шарф попал ему в рот, и получилось «уважаемый».

Несчастный Пудель покорно и молча поплёлся за ним. Вид у него при этом был такой виноватый, будто это он сам, собственной лапой затирал веснушки на асфальте и запрещал дяде Феде играть на скрипке.

Веснушка в недоумении посмотрел на Катю.

– Они соседи, понимаешь, – объяснила Катя. – Взятииобидели не разрешает дяде Феде играть на скрипке. Ещё днём – ничего, а чуть вечер – сразу начинает стучать в стенку кулаком и кричать: «Взятии и обидели! А я человек уважаемый!»

– Вечер – это когда Солнышко уже не светит. Я так это дело понимаю, – задумчиво проговорил Веснушка. Он удивительно нежно произнёс слово «Солнышко». – А где живёт этот твой Взятииобидели?

– Вот его окно. – Катя протянула свободную руку, показав

ла. – Видишь, на всех окнах занавески, цветы, а у него только бутылка кефира.

Вдруг Катиной руке стало прохладней. Веснушки на ладони не было.

Катя в растерянности огляделась. Ей показалось, что в полуоткрытую форточку Взятииобидели скользнуло что-то маленькое, сверкнувшее жёлтым огоньком.

Блеснула круглая золотая пятка босой ноги. Это был Веснушка.

Глава 5. Одолжите, пожалуйста, морковку!

Дядя Федя играл на скрипке.

Катя сама видела, как в его дверь позвонил старичок с длинными седыми волосами и печальным крючковатым носом.

Катя подошла к окну. Так музыка была слышнее.

«Как хорошо, – подумала Катя. – Я понимаю, о чём рас-

сказывает эта музыка. Вот тёмный лес. Это ведут свой разговор старые деревья. Их листья и ветви. Ведь они столько знают. А вот ручеёк. Он ни о чём не думает, так звенит, дребезжит по камешкам. А это в глубине леса проснулось страшное чудовище. Вот оно идёт по лесу. Как страшно трещат деревья... Ох, не иначе, сейчас Взялииобидели начнёт стучать в стенку...»

Но почему-то на этот раз Взялииобидели затаился и молчал.

По двору прошла красавица Нинка-блондинка. В школе Катя сидела на парте как раз позади неё. Так что все пять уроков Катя видела перед собой её толстую ровную косу и аккуратный коричневый бант на затылке. Когда Катя ложилась спать и закрывала глаза, она опять видела эту ровную золотистую косу и коричневый бант.

На перемене Катя сторонилась Нинки-блондинки, уходила на другой конец коридора.

«Рыжая. Кто это будет дружить с рыжей?» – горько думала она.

Нинка-блондинка села на лавочку под дерево. Рядом с ней пристроились её закадычные подруги Галя и Валя.

О чём-то зашептались. Нинка-блондинка рассмеялась.

«Может, обо мне говорят? Ну и пусть...»

Сумерки расползлись по двору. Девчонок под деревом стало почти не видно. Только чуть белели лица и коленки.

Катя снова прислушалась к звукам скрипки. Странно, по-

чему молчит Взятииобидели? Не кричит, не стучит кулаками. Ох, не к добру это...

«А вдруг Взятииобидели изловил Веснушку? – Катино сердце вздрогнуло, застучало испуганно и часто. – Обманул его, заманил. Схватил щипцами для сахара. Или ножницами... на кусочки...»

Катю даже затошнило, стало познабливать от страха. Не в силах больше ждать, Катя выскользнула на лестницу, поднялась на второй этаж.

Собралась с духом, нажала звонок. Дверь открыл сам Взятииобидели. Серый шарф волочился за ним по полу, собирая клочья пыли.

– Одолжите, пожалуйста, морковку, – сказала Катя скромным голосом. Взятииобидели ничего не ответил. Он как будто и не видел её. – Морковку, – уже шёпотом повторила Катя и пальцами показала что-то очень маленькое.

– Морковку?! Не знаю я никакой морковки! Не знаком! – вдруг взвизгнул Взятииобидели и, повернувшись, бегом бросился в свою комнату.

Катя осталась одна в полутёмной передней. Здесь звуки скрипки были ещё слышней. Она на секунду заслушалась, но тут из-за покосившегося облупленного шкафа вышел Пудель. Весь в пыли. Длинная паутина, как антенна, натянута от правого уха до хвоста. Посмотрел на Катю глубокими строгими глазами. Потом озабоченно мотнул головой в сторону двери, за которой скрылся Взятииобидели. Катя сразу

всё поняла. Тихонько, одним пальцем, она толкнула дверь. Взвизгнула и открылась. Дверь по-кошачьи мяукнула и открылась. Всю комнату заливал какой-то странный, необычный свет. За окном стояла густая темнота. Два окна глядели в комнату, как два пустых чёрных глаза. А в комнате был день, ясный солнечный день. Сначала Кате показалось, что это светит торшер, похожий на гриб-поганку на длинной ножке. Да нет же! Ни за что не поверите! Комнату освещал электрический чайник.

Никогда ещё Катя не видела, чтобы комнату освещали чайниками. Но это было именно так. Катя взгляделась... Ой! Да это же Веснушка!

Он отплясывал какой-то лихой дикий танец на крышке чайника. Он взмахивал руками, кувыркался через голову, подскакивал, отчаянно задирая ноги. Всё это он проделывал с такой немыслимой быстротой, что разглядеть его было почти невозможно. Просто искра, колючая, сверкающая, танцевала на крышке чайника.

Взялиобидели, судорожно глотнув воздух, сорвал с постели одеяло, крадучись и приседая, подобрался к чайнику и накрыл его одеялом.

Но Веснушка в последний момент успел выскользнуть из-под одеяла и перескочил на хрустальную люстру.

Что тут началось! Можно было подумать, что в люстру вместо лампочки ввинтили кусочек солнца.

Тёплые лучи, вперемешку с разноцветными зайчиками, жёлтыми, синими, оранжевыми, завертелись по всей комнате.

Взялиобидели ухватился за полосатый матрас, наполовину стянул его с постели, но, видимо, понял, что никакой матрас его не спасёт.

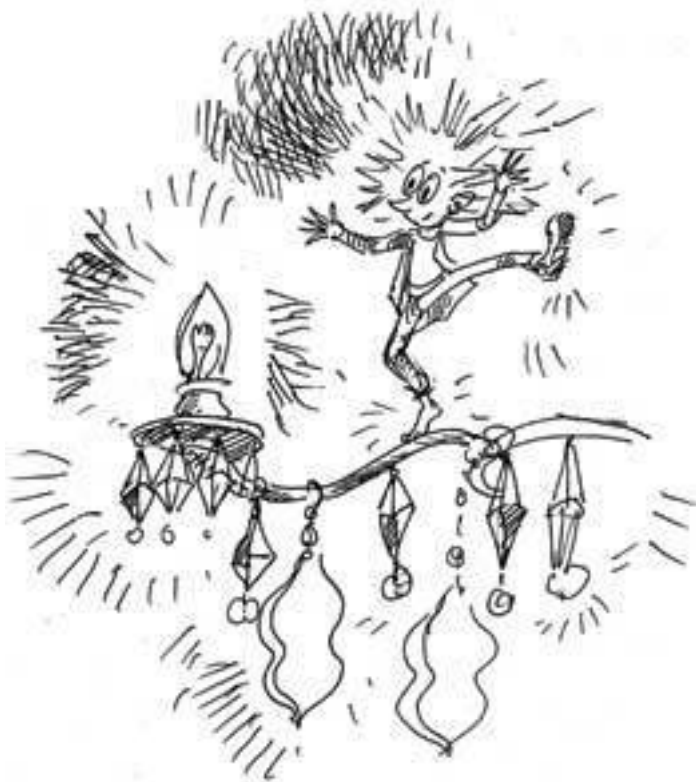
Веснушка прыгал по хрустальным подвескам, каждый его шаг – жгучие искры, вспышки, блески так и сыпались с потолка.

При этом люстра ещё хихикала, захлёбывалась, даже повизгивала от смеха.

– Ой! Не могу! Хи-хи-хи! Посмотрите только на него! Ой! Держите меня, я сейчас упаду! Ха-ха-ха!

А за стеной пела скрипка. Последний звук, чистый и ясный, поднялся высоко-высоко, немного погрузил в воздухе и умолк.

Дядя Федя кончил играть.

Веснушка перестал прыгать, остановился как бы в нерешительности. Наклонил голову набок, опустил руки. Люстра погасла. В комнате стало сразу темно и мрачно. Слабо светила только одна хрустальная звёздочка, на которой стоял Веснушка.

Веснушка посмотрел в глубокое чёрное окно, зябко поёжился и побежал по потолку. Катя увидела, что бежит он вниз головой, быстро переставляя ножки по пыльному электропроводу.

Катя протянула руку – Веснушка соскочил ей на ладонь.

Ух и горячий же он был – не удержать. Катя принялась изо всех сил дуть на него.

Взялииобидели сделал шаг к Кате, но наступил на конец собственного шарфа и, чуть не задохнувшись, остановился, выпучил глаза.

– Так вот она какая, морковка! – прошипел он. – Вот оно что! Взяли и обидели!

Кто-то ещё зашипел на Катю из-под стола. Это был Кот Ангорский.

Что ж, настало время сказать, что хозяином Кота Ангорского, этого всем известного плута и воришки, был не кто иной, как Взялииобидели.

Мало того, Кот Ангорский был его любимцем. И этого мало: Кот Ангорский был его единственным другом. Где прятался всё это время Кот Ангорский – неизвестно. Но зато теперь он с беззаветно храбрым видом шипел, взъерошившись и выставив вдоль всей спины шерсть гребешком. Но Катя не стала слушать их дружное шипение. Она бегом проскочила переднюю, где из-за шкафа её проводили два строгих любящих глаза, и бросилась вниз по лестнице.

Веснушка сидел у неё на плече. Пока Катя, наклонившись,

возилась с ключом, открывая дверь, он держался за воротник, чтобы не свалиться.

– Хотел накрыть... Кого? Меня! Чем? Одеялом! – возбуждённо бормотал Веснушка. – Но я скорее-быстрее-сейчас же немедленно...

На миг он стал таким горячим, что запахло чем-то палёным и от Катиного воротничка пошёл дымок. Катя отдышалась только у себя в комнате. Веснушка перескочил на стол. Низко опустив голову и заложив руки за спину, он ходил по учебнику математики. Наискосок от одного уголка к другому. Он о чём-то глубоко задумался.

– Наверно, считаешь, мне это впервой: вот так устраивать день посреди ночи? – Веснушка вдруг поднял голову, посмотрел на Катю.

Катю поразило несчастное выражение его глаз. Губы его дрожали.

– Совсем недавно мне пришлось вот так же, как сегодня... В общем, похожая история. Да, совсем-совсем недавно...

– Когда недавно? Вчера, что ли? – спросил Катя.

– А что такое «вчера»? Я не знаю. Вчера – это недавно?

– Ну да, конечно.

– Тогда, значит, это было вчера. Хочешь, расскажу?

– Ой! – только и смогла вымолвить Катя.

– Но это очень грустная история. Самая печальная в моей жизни, – тихо сказал Веснушка. – Это такая история, которой лучше бы и не было. Всё равно рассказать?

– Да, – тоже почему-то тихо сказала Катя.

– Тогда слушай. Значит, это случилось вчера.

Глава 6. История Веснушки

Только вчера на земле всё было совсем другим. Города были без этих штук: без электричества, без метро, без телевизоров. Их тогда ещё не придумали, ничего не придумали.

– Тогда это было не вчера, – перебила его Катя.

– Как не вчера? – сердито нахмурился Веснушка. – Ты же сама только что сказала, что «вчера» – это недавно. А то, что я хочу рассказать, случилось совсем-совсем недавно. Так что

не мешай мне и не перебивай меня, пожалуйста.

Веснушка поглядел в окно, придвинулся к Кате поближе.

– Ну так слушай, – начал свой рассказ Веснушка. – Вчера все города были ещё маленькие. И вокруг каждого – высокая стена. Девчонки вроде тебя носили длинные юбки. Те, что побогаче, обували шёлковые туфельки, вышитые золотом, а всякая беднота таскала тяжёлые деревянные башмаки. Топ-топ-топ! Так вот. О чём это я? Ах да! Жили в одном городе братья-кузнецы. Когда не было туч на небе, я любил заглядывать к ним в кузницу. Их было двое, и оба рыжие. Красные вихры так и торчали во все стороны. Мне нравилось смотреть, как они работают. Грохот и звон стояли в кузнице. Хвостатые искры разлетались и гасли в тёмных углах. Братья выковывали лёгкие кольчуги и тяжёлые мечи с узорными рукоятками. К ним приходили бедняки с суровыми неулыбчивыми лицами. И каждый незаметно уносил под плащом кто кинжал, кто меч, кто кольчугу.

Около кузницы часто околачивался юркий человек. Кончик носа у него так и вертелся, до того ему хотелось всё разузнать, разведать, разнюхать.

Вот он-то и донёс королю, что братья-кузнецы тайно вооружают народ. Чтоб не увидеть мне Солнышка, я сам это слышал. Ведь как раз в это время я сидел на королевской короне, забравшись в большой драгоценный камень.

– А зачем они это делают? – с недоумением спросил король. Он был не очень-то умён и догадлив, этот король. Но злобы в нём хватило бы ещё на несколько королей.

Доносчик смутился, заюлил.

– Во всяком случае не для того, чтобы защищать вас, Ваше Величество, – наконец намекнул он королю.

Тут уж король сообразил, о чём речь. Он так хлопнул себя по лбу, что я чуть не вылетел из драгоценного камня, где устроился так уютно.

– Они мне дорого за это заплатят. Да, да. Дорого, – прохрипел король.

Он кликнул стражу.

– Старшего брата заковать в цепи и бросить в тюрьму, – приказал он. – А младший пусть сегодня же до захода солнца не поленится внести за него выкуп – сто золотых монет. Ну а если он предпочтёт проваляться это время на своём тощем тюфяке или сыграть с приятелями в кости где-нибудь в трактире – пускай потом пеняет на себя. Не будь я король, на закате голова старшего брата слетит с плеч.

Под вечер весь город собрался на площади перед дворцом. Сперва меня всё это очень забавляло. На балконах расселись знатные дамы в пышных платьях. Я затеял с ними развесёлую возню. Налетишь на какое-нибудь кольцо или ожерелье, оно засверкает, а я отскочу от него и прямо кому-нибудь в глаз. Бедняга морщится, жмурится, загораживается ладонями, а мне смешно.

Но вот на площадь вышел палач. Весь в чёрном, в чёрном длинном капюшоне. Ни на кого не глядя, тяжёлым шагом он медленно поднялся на помост и встал неподвижно, опершись обеими руками о топор.

Стражники вывели на площадь старшего брата. Кое-кто из моих братишек, те, кто поглупее, обрадовались, бросились скакать по его цепям.

Но мне стало как-то не по себе.

А тут ещё чувствую: беда! Солнце тянет меня за собой, а

само уходит за дальние горы.

Я попробовал было его удержать, уцепился за позолоченный шпиль колокольни. Да разве Солнышко удержишь?

И тут сверху, с колокольни, я увидел: далеко-далеко за крутым горным кряжем по узкой дороге скачет младший брат. Погоняет лошадь: вперёд, вперёд, моя славная лошадка! А пояс ему оттягивает тяжёлый кошель.

Видно, собрал он всё-таки сто золотых. Видно, помогли ему в беде добрые люди, отдали последнее, что имели сами. Но он ещё далеко, а Солнышко уже наполовину ушло за горы. Только на шпиле колокольни ещё сидит кое-кто из моих братишек, таких же, как я, самые отчаянные. А на площадь со всех улочек и закоулков уже выползает темнота. И чёрная тень палача становится всё длиннее, тянется к ногам старшего брата.

Тут король медленно, торжественно поднял руку и уронил белый платок.

– Палач! – воскликнул он. – Солнце уже зашло!

И тут я решился. Пойми, я решился на это от отчаяния. В другое время я бы ни за что этого не сделал. Никогда. Но я не мог иначе.

Скорее-быстрее-сейчас-же-немедленно я спрыгнул с колокольни вниз, прямо на топор палача.

Топор засверкал, заблестал. Я чуть было не порезался –

отточен он был на совесть.

Не представляешь, как мне было худо! Ведь я всего-навсего обыкновенный солнечный луч... Одним концом я крепко-накрепко прирос к Солнцу. И оно тянуло меня за собой.

Но я уже слышал тяжкий, измученный храп коня и гулкий топот копыт.

– Палач! – с торжеством завизжал король. – Время истекло! Пора!

– Нет! – закричали все люди на площади. – Нет! Последний луч ещё горит на топоре палача!

Тут Солнце так рвануло меня... Мне показалось, что я сейчас погасну, разорвусь на части от этой нестерпимой боли! Но я упёрся покрепче... как только мог... изо всех сил...

О-ох!.. И я оторвался от Солнца!

А оно, Солнышко, вместе со всеми моими братиками ушло за горы. Горные вершины посинели, стали холодными, острыми...

И в этот миг на площадь влетел всадник. Это был младший брат. К ногам короля тяжело упал кошель с золотом... Ну, дальше уже неинтересно...

Веснушка нахмурился, отвернулся, засопел носом.

Шаркающей походкой, будто он вдруг состарился, добрался до пустой чашки, прошёл по краю блюда, скрестив ноги по-турецки.

– Нет, пожалуйста, расскажи ещё, – взмолилась Катя.

– Ладно, – вздохнул Веснушка, – хотя, наверно, это самая

грустная история на свете. Так на чём я закончил?

– На том, что «дальше неинтересно», – подсказала Катя.

– Неинтересно? – прямо-таки вспыхнул Веснушка. Он сердито дёрнул молнию на курточке сначала вниз, потом вверх. – Ах так, значит, тебе неинтересно?

– Нет, мне-то интересно, очень интересно, – попробовала объяснить Катя. – Это ты сам сказал «дальше неинтересно».

Веснушка вскочил на ноги. Он хотел выпрыгнуть из чайной ложки, но, к несчастью, поскользнулся и упал на спину, задрав кверху тонкие ножки. От этого он рассердился ещё больше, обиделся, так и запылал.

– А ну покажи мне его. – Веснушка прыгнул на край блюда, угрожающе стиснул раскалённые кулачки. – Подавай сюда этого «Дальше»! Я ему сейчас задам хорошую трёпку!

– Какого «Дальше»? – в недоумении спросила Катя.

– Какого-какого! Того самого! – Веснушка просто захлёбывался от обиды, гнева. – Ты сказала «дальше неинтересно». Кто он такой, этот «Дальше», которому неинтересно, как случилось это ужасное несчастье, как я оторвался от моего Солнышка? Где он?

– А... – вдруг догадалась Катя. – Да нету никакого «Дальше». Дальше – это значит, ну, что было потом, понимаешь?

– Если нет никакого «Дальше», так зачем же ты подняла весь этот шум, устроила скандал? – сердито посмотрел на Катю Веснушка. – Ну и характер у тебя, как я погляжу...

Веснушка неодобрительно покачал головой. Но Катя ви-

дела: он уже успокоился. Из красного стал оранжевым, потом жёлтым.

– Так на чём я закончил? – снова спросил Веснушка.

Но Катя из осторожности промолчала, не стала ему подсказывать.

– Ах да! – сам вспомнил Веснушка. – Я остался один на тёмной площади. Не представляешь, как мне было страшно и одиноко. Ведь я совсем не привык к самостоятельной жизни. К тому же, понимаешь, темнота. Липкая, жадная Темнота-Темнотища. Она окружила меня сверху, снизу, со всех сторон. Ты только представь себе: маленький солнечный луч один-одинёшенек в полной темноте.

– Смотрите, смотрите! Летающий огонёк! – крикнула какая-то женщина и накрыла меня платком.

Можешь не сомневаться, я скорее-быстрее-сейчас же немедленно прожёл платок и вылетел на волю.

Но отовсюду ко мне тянулись руки. Люди кричали, указывали на меня пальцами. Скажу тебе откровенно, я совсем потерял голову, начал метаться по площади.

Я налетел на гладкий щит начальника королевской стражи. Зацепился за чью-то алебарду.

Мне хотелось только одного: куда-нибудь спрятаться, скрыться. Прийти в себя, передохнуть хоть немного, понять, что со мной случилось. И тут мне повезло: я увидел старый глиняный кувшин с отколотым горлышком, валявшийся на земле. Я нырнул в него, скорчился на самом доньшке. Кто-

то ударил кувшин ногой, и он покатился, дребезжа и подскакивая. Ещё счастье, что не развалился.

Наконец все разошлись, и стало тихо. Тогда бездомные кошки со всего города явились на площадь, чтобы погреть лапы и животы возле старого, треснувшего кувшина. Ведь кувшин стал очень тёплым и грел не хуже печки.

Кошки так ласково и благодарно мурлыкали, что я немного утешился. С тех пор, по правде говоря, я и люблю кошек...

– А что, все лучи такие же человечки? – спросила Катя.

– Скажешь тоже! – вскинулся было Веснушка, но тут же снова уныло опустил голову. Заговорил совсем тихо: – Нет, я один такой на свете. Ведь все другие лучи крепко держатся за Солнышко. По правде говоря, когда я оторвался, я был просто клубком спутанных золотых ниток. Но это очень скучно, быть каким-то клубком. Все мысли спутаны-перепутаны. Конечно, можешь не сомневаться, я долго думал, выбирал: кем мне стать? Прикидывал и так и эдак. Думал, может быть, мне стать солнечной кошкой или солнечной собакой? Но я к тому времени уже немного разобрался, что к чему тут у вас на земле. Поэтому я и решил стать не кем-нибудь, а солнечным человечком. Это мне показалось лучше всего.

«Правда, лучше», – подумала Катя.

– Мяу!.. – хрипло сказал Кот Ангорский, неожиданно появляясь на подоконнике.

Он пристально и хищно уставился на Веснушку своими плоскими серебряными глазами.

Катя увидела, как на миг из бархатных лап показались острые кривые когти. Показались и скрылись.

– Брысь! – замахнулась на него Катя.

Кот Ангорский оскорблённо мяукнул. Он мягко подпрыгнул, будто в каждой лапе у него было спрятано по пружине, и скрылся за окном.

Катя сразу же забыла о нём. Её занимало совсем другое.

«Веснушка не ужинал. Да, наверно, и не обедал сегодня, – вот о чём думала Катя, озабоченно хмурясь. – А что он ест? Молоко он пьёт, в любом случае. Конечно, если оно без пенки. Ну уж об этом я позабочусь. А где он будет спать? Ему же обязательно нужна постелька».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.